

Ойноткинова Надежда Романовна

**АЛТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ:
ПОЭТИКА И ПРАГМАТИКА ЖАНРОВ**

Специальность 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2012

Работа выполнена в секторе фольклора народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт филологии Сибирского отделения РАН.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Алешина Ольга Николаевна

Официальные оппоненты: **Садалова Тамара Михайловна**,
доктор филологических наук, министерство
культуры Республики Алтай, главный
специалист

Махмутов Хузиахмет Шагиахметович,
доктор филологических наук, профессор,
отдел народного творчества Института
языка, литературы и искусства им.
Г. Ибрагимова АН РТ, гл.н.с.

Надршина Фануза Аитбаевна, доктор
филологических наук, отдел фольклористики
Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, гл.н.с.

Ведущая организация: **Тувинский институт гуманитарных
исследований при Правительстве
Республики Тыва**

Защита диссертации состоится **«25» декабря 2012 г. в 12.00 часов** на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Автореферат разослан **«25» ноября 2012 г.**

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

А. А. Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено определению поэтики и прагматики алтайских пословиц и поговорок (*кеп ле укаа сөстөр*), являющихся одними из самых популярных фольклорных жанров и составляющих неотъемлемую часть алтайской духовной культуры. Эти жанры, простые по формам, обладают сложным внутренним содержанием, заключающим в себе знания и представления алтайского народа о мире. Они отражают его мировоззренческие установки, нравственно-этические устои, эстетические ценности и предпочтения, выражают широкий круг понятий, с их помощью даются нравственные оценки человеческим качествам: *Төрөл јери төјжөктөн јымжак, / Өскөн јери өтпөктөн тату* ‘Родная земля постели мягче, / Земля, где вырос, лепешки слаще’; *Сөөктө јулик, / Сөстө – билик* ‘В кости – мозг, / В слове – мудрость’; *Јакшы эрмектен сагыш кожулар, / Јаман сөстөн тер төгүлер* ‘От хорошего разговора ум прибавляется, / От худого слова пот льется’; *Кижји ижиле аңылу, / Туу аңыла баалу* ‘Человек своим трудом ценен, / Гора своим зверем ценна’. Специфика этих жанров заключена в особом поэтическом строе и связана с актуализацией этнокультурной информации в определенных речевых ситуациях, поэтому паремии служат одним из важнейших источников изучения фольклорной картины мира. Исследование взаимосвязи поэтики и языка пословиц и поговорок, их функционирования в речи носителей фольклорной традиции – сложная задача для исследователя, поскольку эти аспекты являются наиболее важными в определении их жанровой сущности.

Актуальность исследования. Пословицы и поговорки как алтайцев, так и других тюркских народов Южной Сибири, до сих пор остаются недостаточно изученными. Необходимость исследования этих паремий вызвана нынешним состоянием их бытования в языковой среде коренных этносов. В последние годы русский язык играет доминирующую роль в общении. Коммуникативная значимость родных языков сибирских тюрков ослабевает, фольклор постепенно исчезает, поэтому в круг приоритетных задач ученых-сибиреведов включены фиксация и исследование фольклорной и языковой культуры этих народов.

Исследование поэтики и прагматики пословиц и поговорок с применением при необходимости междисциплинарного подхода позволяет разносторонне изучить проблему жанровой дифференциации в фольклористике. Сложность и актуальность этой проблемы определяются прежде всего недостаточной разработанностью вопросов поэтики и прагматики этих малых афористических жанров. Задача по возможности полного и глубокого их изучения является приоритетной в нашем исследовании.

Цель работы – провести комплексное исследование алтайских пословиц и поговорок как фольклорного явления, выявить их структурные, поэтические, прагматические, концептуальные особенности. Это позволит понять специфику фольклора алтайцев в контексте национальной ментальности. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: 1) определить жанровый статус пословиц и поговорок (*кеп сөстөр* и *укаа сөстөр*), их место в кругу схожих явлений – фразеологизмов, афоризмов и других клише; 2) оценить диахронное и синхронное состояние алтайских паремий и сопоставить их с ситуацией в паремийных фондах других тюркских народов Сибири; 3) выявить специфику поэтики алтайских пословиц и поговорок, исследовать репертуар и актуальность поэтических (тропеических и фигуральных) приемов в их составе, определить их особенности на уровнях фонетической, лексической, синтаксической организации; 4) определить их прагматические свойства, проявляющиеся на разных уровнях их организации; 5) на основе анализа образно-лексического строя паремий определить алтайские культурные коды; 6) реконструировать традиционную паремическую картину мира и концепты, репрезентируемые алтайскими пословицами и поговорками.

Предмет исследования – структурно-поэтическое, функционально-прагматическое и концептуальное своеобразие алтайских пословиц и поговорок на фоне пословиц и поговорок сибирских тюркских этносов.

Объектом исследования стали алтайские пословицы и поговорки (*кеп ле укаа сөстөр*) и их аналоги в фольклоре тюркских народов Сибири. Дополнительно в ряде случаев привлекались и русские паремии.

Материалом исследования послужил корпус пословичных и поговорочных текстов (1410 единиц), собранный автором диссертации из ранее опубликованных и неопубликованных (архивных и полевых) источников XIX-XXI вв. и впоследствии изданный в сборнике «Алтайские пословицы и поговорки» [Ойнуткинова 2010а]. В него вошли пословицы и поговорки южной группы алтайцев – алтай-кижи, диалект которых был положен в основу современного алтайского литературного языка. Как известно, алтайский язык имеет две диалектные группы: южную и северную. Туба, кумандинский и чалканский диалекты относятся к северной группе; алтай-кижи, телеутский и теленгитский – к южной. Северные диалекты отличаются от литературного алтайского языка и различаются между собой в области фонетики, морфологии и лексики. Для изучения современного состояния алтайского паремийного фонда были проведены полевые исследования в местах проживания диалектных групп алтайцев: алтай-кижи (в Усть-Канском и Онгудайском районах в 2004 г.), теленгитов (в Кош-Агачском и Улаганском районах в 2005–2006 гг.), чалканцев и кумандинцев (в Турачакском районе в 2007 г.). Пословицы северных диалектных групп алтайцев в диссертации используются в качестве сравнительного материала.

Как фоновый материал привлекались и паремии преимущественно близкородственных алтайцам этносов: тувинцев, хакасов, шорцев и якутов. Это позволило изучить генезис и «географическую принадлежность» паремий, выявить сходства и различия в их структурах, поэтике, концептосферах. Использовались «Пословицы и поговорки хакаского народа» [1968], «Тувинские пословицы и поговорки» [1966], «Духовная Шория...» [2008], «Якутские пословицы и поговорки» [1945], «Сборник якутских пословиц и поговорок» [1965]. Русские аналоги алтайских пословиц и поговорок приводились из сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [2000], из «Большого толкового словаря» пословиц и поговорок русского народа [ППРН 2005].

Теоретической и методологической базой исследования стали научно-теоретические положения, присутствующие в трудах С. А. Адоньевой, Е. Б. Артеменко, С. Е. Никитиной, З. К. Тарланова, А. Т. Хроленко и др., которые ориентированы на изучение природы фольклорных жанров, характер взаимосвязи языка и поэтики фольклорных произведений. У пословиц и поговорок как фольклорных знаков-текстов есть синтактика, семантика и прагматика. Эти три стороны знаков, тесно связанные между собой, определяют аспекты их изучения, поэтому диссертационное исследование основано на структурно-семиотическом методе изучения фольклорного материала. Теоретической и методологической базой исследования послужили также труды ученых по структурной паремиологии: А. К. Жолковского, Э. Я. Кокаре, А. А. Крикманна, С. Н. Колоцей, М. Кууси, Ю. И. Левина, Н. В. Назарова, Ю. В. Николаевой, Г. Л. Пермякова, В. Фойта, М. А. Черкасского, P. Carnes, A. Dundes, P. Grzybek, W. Mieder; N. R. Norrick, A. Szemerkenyi, V. Vilmos и др. Раскрытию темы способствовал опыт изучения малых жанров, представленный в трудах фольклористов на материале разных языков и культур: В. П. Аникина, Г. Ф. Благовой, В. И. Даля, С. Д. Гымпиловой, Е.Е. Жигариной, И. М. Заловой, Б. Тилавова, З. Ж. Кудаевой, А. В. Кудиярова, Х. Ш. Махмутова, У. Н. Решетневой, Е. И. Селиверстовой, О. Б. Христофоровой, Е. К. Шаракшиновой и др.

Поскольку поэтическое исследование предполагает анализ всей совокупности лингвистических средств фонетического, лексического, грамматического, стилистического характера, используемых в данном художественном произведении, то при выявлении особенностей поэтического строя и функционирования паремий применялся поуровневый анализ текстов, который считается наиболее перспективным в поэтике и стилистике и использован в трудах О. В. Александровой, Л. Г. Бабенко, Е. Бартминьского, Н. С. Болотновой, Н. С. Валгиной, А. Н. Веселовского, В. В. Виноградова, Л. А. Ноздриной, Б. В. Томашевского, И. Р. Гальперина, Т. М. Николаевой, З. Я. Тураевой и др.

В изучении семантики и паремической картины мира, представленной в алтайских паремиях, мы при необходимости опирались на труды ученых по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, лингвофольклористике, прагмалингвистике: Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, В. А. Масловой, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, Е. С. Яковлевой и др. Важными для нашего исследования оказались труды и некоторых ученых по стилистике и теории метафоры: Н. Д. Арутюновой, М. В. Варламова, О. Н. Лагута, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Г. Н. Скляревой. Мы опирались на исследования категории оценочности в языке как прагматического компонента пословично-поговорочных текстов (работы Н. Д. Арутюновой, Е. В. Вольф, З. К. Темиргазиной, Т. А. Трипольской; А. В. Аммер, А. Н. Баранова, А. И. Гаевской, Ю. Д. Доржиевой, Р. Р. Замалетдинова, В. И. Карасика и др. и др.) и теории речевых жанров (работы М. М. Бахтина, В. В. Деметьева, М. Ю. Федосюка, Т. В. Шмелевой). В выявлении особенностей поэтической синтактики паремий применялся метод моделирования, используемый в трудах В. А. Белашаповой, Г. А. Золотовой, М. И. Черемисиной, Н. Ю. Шведовой, Т. В. Шмелевой и др. Привлечение этого метода позволило определить структурно-семантическую специфику поэтического синтаксиса алтайских пословиц и поговорок, вариативность и устойчивость их синтаксических структур. Учитывались специальные методики анализа концептов в пословицах, примененные в работах исследователей когнитивного направления паремиологии: А. В. Аммер, Л. В. Басовой, Л. П. Борисовой, Е. В. Ивановой, О. В. Магировской, Л. Б. Савенковой, Е. В. Маркеловой и др. Сравнительно-историческим методом уточнялись диахронное и синхронное состояния паремийного фонда алтайцев на фоне хакасских, тувинских, шорских, якутских и, в некоторых случаях, русских паремий. Для комплексного исследования всего пословично-поговорочного материала применялась методика выявления буквализмов. Из экспериментальных методик привлекалось выборочное индивидуальное анкетирование и беседы с информантами – носителями фольклорной традиции. На всех этапах работы применялся количественный анализ.

Новизна диссертационного исследования заключается в изучении нового материала и в комплексном подходе к предмету исследования с применением методик различных современных направлений фольклористики и – по мере необходимости – лингвистики, что позволило внести в обсуждение проблем поэтики и прагматики фольклорного текста некоторые идеи этой науки.

В диссертации представлен опыт раскрытия сущности жанровой поэтики пословиц и поговорок как важнейшего аспекта художественной структуры фольклорного текста и уникального способа образного освоения действительности.

Впервые в научный оборот введены архивные и новые полевые фольклорные материалы и решены следующие задачи.

1. Охарактеризованы современные исследовательские подходы к изучению паремий, определены объемы паремиологических понятий и границы соответствующих терминов, применяемых в описаниях алтайских паремий.

2. Выполнено диахронное и синхронное исследование паремийного фонда алтайцев в сопоставлении с паремийными фондами других тюркских народов Сибири; установлена устойчивость алтайской пословичной традиции. Изучены общие закономерности варьирования пословиц и поговорок в речи; выявлены варианты пословиц и поговорок, характерные для алтайских диалектных паремийных фондов.

3. Выработан комплексный исследовательский подход к изучению тюркских пословично-поговорочных текстов, и систематизированы важные составляющие поэтической системы алтайских паремий в их тесной взаимосвязи и взаимодействии, в частности: исследована ритмико-звуковая организация современных алтайских пословиц и поговорок на фоне паремий в других тюркских языках; установлено, что доминирующим структурно-поэтическим признаком пословицы (*кеп сӧс*) является обязательное присутствие рифмы, создающейся различными видами повтора, определены разновидности эфонических повторов, создающих рифму; выявлена лексическая основа образно-поэтических средств в составе *кеп ле укаа сӧстӧр*; определены репертуар и прагматические функции поэтических приемов в паремиях; определены функционально-прагматические особенности алтайских пословиц и поговорок; изучены их поэтико-синтаксические структуры, обусловленные прагматическими задачами этих жанров; выполнена реконструкция алтайской паремической картины мира, определены алтайские культурные коды, репрезентируемые пословицами и поговорками.

Теоретическая значимость выполненной работы состоит в разработке терминологии и методологии комплексного изучения малых жанров фольклора тюркских народов Сибири, а именно пословиц и поговорок, в выявлении специфики прагматики и поэтической (фоностилистической, морфологической, синтаксической, образно-лексической) структуры алтайских паремий, а также в реконструировании алтайской паремической картины мира, репрезентирующей базовую систему ценностей алтайцев. Паремические картины мира в сибирской тюркологии до сих пор не были предметом специального изучения. Теоретические выводы исследования могут послужить основой для дальнейшего сопоставительного и сравнительно-типологического фольклористического изучения паремий других народов.

Практическая значимость работы связана с возможностями применения итогов исследования в лекционных и семинарских курсах по фольклористике, стилистике тюркских языков, лингвокультурологии, педагогике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. К пословицам (*кеп сӧстӧр*) относятся поэтические мини-тексты назидательного характера, которые по своему композиционно-синтаксическому строению состоят из двухчастных и более параллелизмов, или сложных предложений, и содержат образно-поэтические компоненты. Доминирующими в паремийном фонде алтайцев являются двухчастные единицы, строящиеся чаще всего на синтаксическом параллелизме и имеющие традиционную стихотворную форму. К поговоркам (*укаа сӧстӧр*) относятся мини-тексты, имеющие одночастную синтаксическую структуру. В более чем половине таких единиц могут присутствовать образно-поэтические средства: сравнения, метафоры и другие фигуры и тропы.

2. Тексты *кеп ле укаа сӧстӧр* – это фольклорные произведения, концептуально обусловленные (то есть репрезентирующие концепты), коммуникативно-ориентированные в рамках определенной сферы общения и имеющие информативно-смысловую и прагматическую значимость.

3. Варьирование – основной принцип функционирования алтайских пословиц и поговорок. Специфика варьирования состоит в том, что, сохраняя основной инвариантный смысл, они преимущественно изменяются на формальном уровне: композиционном, синтаксическом, морфологическом, лексическом, фонетическом.

4. Для поэтики алтайских пословиц и поговорок характерны следующие особенности:

а) доминирующим фоностилистическим признаком является обязательное присутствие рифмы, создаваемой различными видами повтора; стилистические фонетические средства в пословично-поговорочном дискурсе выполняют важную прагматическую функцию эстетического воздействия на слушателя;

б) образные средства выполняют прагматические функции экспрессивности выражаемого смысла и оценочности; наблюдается непроецессный характер образности, обусловленный доминированием биоморфных образов, получивших рациональную оценку (повадки животных или птиц осмысляются как эталонные при сравнении с поведением человека, и соответствующие номинации привлекаются для характеристик его морально-нравственных качеств); артефактные образы по частоте упоминаний в паремиях уступают биоморфным, а натурфактные образы, выражаемые наименованиями ландшафта и явлений природы, составляют меньшую долю;

в) преимущественно зооморфный характер метафор, используемых в аллегорических характеристиках поведения человека, его физических или умственных способностей;

г) преимущественно соматический характер метонимий и перифраз;

д) преимущественное использование количественных слов при создании гипербол и литот;

е) преимущественная ахроматичность эпитетов;

ж) поэтические средства синтаксиса паремий, как и их фонетические и лексические средства, выполняют важную прагматическую функцию: они направлены на лаконичное выражение формы и содержания; пословицы и поговорки включают в свой состав только самые необходимые для выражения смысла слова и выражения;

з) для поэтико-синтаксических структур характерна неполнота синтаксического состава, компрессия, создаваемая способом осложнения их элементарных структур субстантивированными, свернутыми предикатами, в большинстве случаев, выраженными прилагательными или причастиями; приоритет двухчастных единиц, построенных на синтаксическом параллелизме, имеющих традиционную стихотворную форму и образующих «структурное ядро» алтайского пословичного фонда; преобладание простых предложений (65,5 %), сложных предложений – более чем в два раза меньше (31 %); высокая степень метафоричности моделей простых предложений обусловлена их образно-лексическим строем.

5. В пословицах и поговорках представлен определенный набор грамматических форм сказуемого. В зависимости от информативной или фатической целеустановки носителей фольклорной традиции паремии выражают различные интенции, соответствующие отдельным речевым жанрам. В зависимости от прагматических функций все *кеп ле укаа сӧстӧр* подразделяются на ценностные, или оценочные (характеризующие, цель которых – оценка признаков, качеств человека, предметов), и нормативные. Первые формируют два речевых жанра: 1) жанр похвалы, с помощью которого носитель фольклорной традиции дает положительную оценку предметам (изречения, относящиеся к похвалам, служат основным средством положительного эмоционального воздействия на слушателей); 2) жанр порицания, с помощью которого выражается отрицательная оценка (соответственно, паремии, относящиеся к порицаниям, служат основным средством отрицательного эмоционального воздействия). В алтайских пословицах и поговорках чаще дается этическая оценка нравственному облику человека, чем психологическая, эстетическая и другие. В нормативных пословицах и поговорках заключается дидактическая, поучительная функция, и оценка в них дается относительно нормы с

помощью особых грамматических форм (изъявительного (утвердительно), повелительного, условного, повелительно-желательного наклонений и модальных предикатов с семантикой долженствования), служащих для выражения интенций носителей фольклорной традиции: констатации, порицания, похвалы, запрета, рекомендации, пожелания, предписания, предостережения, долженствования.

6. Алтайский паремийный фонд – это открытая система, и в результате длительного исторического контакта алтайцев с другими этносами (включая русский) она постоянно пополняется. На современном этапе развития алтайский паремийный фонд имеет больше сходств с паремийными фондами других тюркских этносов Южной Сибири: тувинским, шорским и хакасским. Многие алтайские пословицы, зафиксированные исследователями прошлого, до сих пор бытуют в среде носителей южных и северных диалектов алтайского языка, а также в шорском языке, что подтверждает историко-культурную и языковую общность этих этносов. В основе тропов и стилистических фигур в паремиях южносибирских этносов лежат схожие образные представления об объектах реальной действительности. В этом кругу образная система якутских паремий наиболее архаична. Паремийный фонд якутов отличается от остальных уникальным лексическим пластом, в котором отражены наиболее архаичные элементы, связанные с их древними верованиями, такими как тотемизм, шаманизм. Якутские пословицы и поговорки, как и русские, чаще используют сравнения, считающиеся архаичной разновидностью стилистических средств.

7. В образно-поэтической структуре алтайских пословично-поговорочных текстов отражены следующие культурные коды: антропный, биоморфный, природный (геоморфный), артефактный, соматический, числовой, временной, хтонический, которые направлены на раскрытие основного – духовного – кода.

8. Большинство алтайских пословиц и поговорок (81 %) объективирует концепт *КИЖИ 'ЧЕЛОВЕК'*, имеющий множество реализаций. Человек в алтайской паремике выступает прежде всего социальным лицом, как трудящийся и как homo loquens. Его интеллектуальные и эмоциональные качества прописаны в паремиях не так разнообразно. Важная типологическая особенность алтайской паремической системы – сходство с паремийными картинами мира других тюрков Южной Сибири и якутов, что объясняется наличием у них общих культурно-исторических корней и языкового родства.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на заседаниях ученого совета Института филологии Сибирского отделения РАН и сектора фольклора народов Сибири этого института в 2006–2011 гг., а также представлялись на научных конференциях, симпозиумах и семинарах:

международных: A Multidisciplinary International Conference. The Tenth British Universities Siberian Studies Seminar (BUSSS) «Siberia and the Far East: Past, Present and Future», 7–11 April 2004, Houston, USA; Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Н. А. Баскакова, 15–18 июня 2005 г., г. Горно-Алтайск; Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства, 15–18 июня 2006 г., г. Горно-Алтайск; Международной научно-практической конференции «Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири», 26–28 апреля 2005 г., г. Новосибирск; 50-st Permanent International Altaistic Conference PIAC 50st Meeting 2007, Kazan / 50-ой ежегодной международной научной алтаистической конференции «Казань и Алтайская цивилизация», 1–6 июля 2007 г., г. Казань; всероссийских: Всероссийской научной конференции «Урал – Алтай через века в будущее», 11–13 сентября 2003 г., г. Горно-Алтайск; Первом Всероссийском конгрессе фольклористов, 1–6 февраля 2006 г., г. Москва; Всероссийской научной конференции «Подвижники сибирской филологии В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев», 27–29 сентября 2007 г., г. Новосибирск; региональных: XII–XIII научно-практических семинарах Сибирского регионального вузовского центра по фольклору (2003-2004 гг., г. Омск); XVII–XVIII научных семинарах-симпозиумах регионального вузовского центра по фольклору (2008-2009 гг., г. Омск); научной конференции «Немецкие исследователи на Алтае», посвященной 170-летию со дня рождения В. В. Радлова, 18–21 июня 2007 г., г. Горно-Алтайск; научной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (к 85-летию д.ф.н., профессора Майи Ивановны Черемисиной), 26–28 октября 2009 г., г. Новосибирск; региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы тюркского языкознания», 19 ноября 2010 г., г. Горно-Алтайск.

Основные положения диссертации отражены в 48 научных публикациях, из них 2 монографии и 9 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав основной части, Заключения, раздела «Библиографические списки», насчитывающего 438 наименований трудов российских и зарубежных исследователей, 5 приложений. Работа содержит 10 таблиц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, описывается материал и методы его изучения, отмечаются научная новизна,

теоретическая и практическая значимость работы, дается краткая характеристика теоретико-методологической базы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические основы филологических исследований алтайских пословиц и поговорок**» рассматриваются общие теоретические подходы к изучению пословичных и поговорочных текстов в филологических трудах, основная понятийно-терминологическая система паремиологии, характеризуются наиболее типичные особенности алтайской паремической системы в диахронии и синхронии.

В **параграфе 1** анализируется фольклористическая и лингвистическая литература, посвященная изучению пословиц и поговорок в разных традициях, выявляются 7 основных подходов к исследованию пословичных и поговорочных текстов: 1) *структурно-семантический подход*, в основу которого положена теория двустороннего знака; 2) *структурно-поэтический подход*, направленный на изучение стилистики фольклорных текстов на основе поуровневых (фонетических, лексических, морфологических, синтаксических) системно-структурных исследований; 3) *лексикографический подход*, систематизирующий пословицы в словарях на алфавитной и тематической основе; 4) *структурно-семиотический подход*, предполагающий рассмотрение паремий как семиотических знаков со своими синтактикой, семантикой и прагматикой, акцентирует их логико-семиотические свойства; 5) *функционально-прагматический подход*, рассматривающий семантику и форму паремий с точки зрения их функций, а также роль в их составе тех или иных средств (лексических, грамматических, синтаксических), направленных на усиление различных дискурсивных функций; 6) *когнитивный подход*, направленный на исследование национальных концептосфер, или систем концептов (единиц мышления) в составе пословично-поговорочных текстов; 7) *лингвокультурологический подход*, нацеленный на выявление культурных особенностей пословичных и поговорочных текстов, в которых представители разных этносов по-разному репрезентируют общие семиотические коды и концепты культуры.

В **параграфе 2** изложен исследовательский подход, применяемый к исследуемому в диссертации алтайскому материалу. Пословицы и поговорки рассматриваются как тексты и дискурсы. Эти единицы, во-первых, часто состоят из двух или более фраз, связанных друг с другом, и, во-вторых, они, выполняя в коммуникативных ситуациях дидактическую функцию, имеют единое тематическое содержание, особый структурный и стилистический облик, то есть представляют собой текстовые произведения, или «речевые жанры», понимаемые как характерные для определенной сферы речевой деятельности устойчивые типы высказываний.

Пословицы и поговорки как фольклорные тексты-знаки обладают тремя составляющими – синтактикой, семантикой и прагматикой, тесно связанными между собой. Для того чтобы определить, как функционируют эти тексты, необходимо комплексно изучить их структуру и функции их компонентов. Тексты пословиц и поговорок обладают *смысловым, структурным и коммуникативным единством*.

Смысловое единство паремии определяется тем, какой концепт она объективирует и какими средствами. Ключевыми пословичными концептами являются *КИЖИ 'ЧЕЛОВЕК'* и *НЕМЕ 'ПРЕДМЕТ'*. Для раскрытия их семантики необходим анализ образно-поэтических и концептуально-тематических структур паремий. Изучение образной семантики пословиц и поговорок позволяет раскрыть паремийную картину мира алтайцев.

Структурное единство имеет конкретное формально-знаковое выражение в виде языковых средств, поддающихся инвентаризации и определенной классификации. На уровне структур текстообразующими категориями выступают синтаксические, морфологические, лексические, фонетические средства, определяющие поэтику этих жанров.

Коммуникативное единство алтайских паремий предопределяется их коммуникативной целенаправленностью. Та или иная пословица или поговорка в дискурсе может выполнять важные прагматические функции эстетического и коммуникативного воздействия на слушателя. Так, те или иные формы грамматических категорий, входящих в предикативность, в пословицах или поговорках, выражают в речевом акте определенные коммуникативные цели, соответствующие речевым жанрам, таким как просьба, предостережение, совет, упрек и т. д. Поскольку пословично-поговорочные тексты имеют поэтическую форму, то нельзя не заметить того, что подобная поэтическая манера изложения также диктуется соображениями прагматического порядка: влиять не только информацией, содержащейся в тексте, но и способом ее подачи.

В **параграфе 3** анализируется понятийно-терминологическая система паремиологии. *Понятия «пословица» и «поговорка», критерии их разграничения* (п. 3.1.). Известны два критерия разграничения пословиц и поговорок: синтаксический и лексико-семантический. Ученые, считающие основным синтаксический критерий, полагают, что пословица двухчастна, поговорка одночастна (В. И. Даль, А. А. Потебня и др.); пословица, в отличие от поговорки, имеет форму законченного предложения (Г. Л. Пермяков, З. К. Тарланов и др.). Ученые, придерживающиеся лексико-семантического критерия, писали, что пословица может обладать прямым и переносным смыслом, а поговорка – лишь буквальным (В. П. Аникин, В. П. Жуков и др.).

В терминологии алтайской фольклористики частными аналогами сочетания «пословицы и поговорки» выступают *кеп сѳстѳр* (букв. ‘образные слова’ или ‘слова, имеющие форму’), *укаа сѳстѳр* (букв. ‘поучительные слова’) и *чечен сѳстѳр* (букв. ‘меткие слова’). Сами носители алтайской фольклорной традиции, как и носители русской, не разграничивают последовательно эти жанры по каким-либо признакам. В результате исследования алтайского материала мы пришли к выводу, что эти речевые жанры разграничиваются по синтаксическому и стилистическому критериям. Пословицы (*кеп-сѳстѳр*) – это поэтические мини-тексты назидательного характера, которые по своему композиционно-синтаксическому строению состоят из параллелизмов, сложных предложений (1112 ед., или 78,8 % нашей картотеки) и содержат образно-поэтические компоненты. Поговорки (*укаа-сѳстѳр*) – это мини-тексты с одночастной синтаксической структурой (260 ед., или 18,4 %). В более чем половине таких поговорок (133 ед., или 9,4 %) могут присутствовать образно-поэтические средства.

Пословицы, поговорки и фразеологизмы (п. 3.2.) Фразеологизмы представляют уровень словосочетания, а пословицы и поговорки – уровень предложения (простого или сложного), т. е. относятся к единицам более высокого ранга. Фразеологизм *таманы жукачак* (букв. ‘подошва тоненькая’) ‘не иметь уверенности, быть неуверенным в своем положении’ реализуется в поговорке: *Мактанчактын таманы жукачак* ‘У хвастливого подошва тоненькая’. Список фразеологизмов, генетически связанных с *кеп ле укаа сѳстѳр*, приведен в приложении I диссертации.

Пословицы, афоризмы и этические формулы (п. 3.3.). Алтайские пословицы и поговорки следует отличать от иных форм клише: авторских *афоризмов* (*чечен сѳстѳр*) – высказываний, восходящих к художественным текстам, а также от *этических формул*, или *кай чечен сѳстѳр* – клише, характерных для языка эпических текстов (*кай чѳрчѳк* – букв. ‘сказка, исполняемая горловым пением’). Под общим термином *клише* имеются в виду застывшие изречения, осознаваемые как несвободные (т. е. воспроизводимые целиком) всеми носителями лингвокультуры.

В **параграфе 4** рассматриваются вопросы о диахронном и синхронном изучении алтайской паремии. Диахронное изучение паремийного фонда алтайцев в сопоставлении с паремийными фондами других тюркских народов Южной Сибири и якутов подтверждает наличие общетюркских паремий, что косвенно свидетельствует о родстве языковых и фольклорных культур западных и восточных тюркских этносов. Система алтайских паремий была сформирована, во-первых, исконно тюркскими единицами и, во-вторых, заимствованными, в частности русскими.

Варьирование как основной принцип функционирования алтайских пословичных и поговорочных текстов в диахронии и синхронии (п. 4.1.).

Вариантность и инвариантность – две противоположные стороны пословиц и поговорок как дискурсов и текстов, которые отражают их статические и динамические свойства. Пословицы и поговорки как дискурсы вариативны. Эта особенность проявляется на разных уровнях их текстовой организации: фонетическом, лексическом, грамматическом, композиционном и синтаксическом. Появление вариантов зависит от личности информанта, от его уровня владения алтайским языком. Лексические замены ключевых слов в пословицах и поговорках происходят по принципу синонимии, родовидовых отношений, контактной близости обозначаемых предметов и т. д. Изменение композиционной структуры зависит от памяти знатока традиции или от его способности точно выражать мысли.

Обзор специальной литературы по паремииологии показал, что многие труды носят одноаспектный характер и не решают проблемы изучения малых фольклорных произведений как целостной системы. Поэтика этих жанров определяется стилистическими категориями на уровне их синтаксической, морфологической, лексической, фонологической структур. В диссертации используется комплексный подход, при котором тексты *кеп ле укаа сӧстӧр* понимаются как словесные фольклорные произведения, концептуально обусловленные (т. е. выражающие концепты) и коммуникативно-ориентированные в рамках определенной сферы общения, а также имеющие информативно-смысловую и прагматическую значимость.

Вторая глава **«Образно-поэтическая система алтайских паремий в сопоставлении с паремиями тюркских народов Сибири»** посвящена определению образно-поэтических особенностей алтайских пословиц и поговорок. Под образным строем *кеп ле укаа сӧстӧр* понимается культурно и исторически обусловленная система образов, отраженная и закрепленная в паремийных стилистических средствах и приемах в виде словоформ и сочетаний определенных лексем. Эта система формирует паремическую картину мира алтайцев и определяет систему их культурных кодов.

В параграфе 1 анализируется **лексическая основа образных средств в составе алтайских пословиц и поговорок**. В исследуемых текстах представлено большое количество лексем, относящихся к различным сферам денотативной лексики и отражающих историко-географические условия проживания алтайцев, их духовно-нравственную и материально-бытовую культуру (алфавитный список таких единиц приведен в приложении 2 диссертации). Лексемы употребляются как в прямых значениях, так и в переносных, участвуя в создании тропов и фигур. Используется лексика двух основных морфологических разрядов: именная (существительные, числительные) и предикатная (прилагательные и глаголы). К разряду предикатной лексики относятся метафоры, преимущественно адъективные и глагольные. К разряду именной – различные отсубстантивные тропы. Количественный рейтинг лексем-

компонентов алтайских пословиц и поговорок определенных лексико-семантических групп следующих.

1. Наименования живых существ. Они представлены двумя группами, и многие из них используются в исходных значениях в составе стилистических конвергентов, например параллелизмов с метафорами и другими тропами.

«Наименования людей» (в 734 ед., к ним относится 25,6 % всех употреблений лексем), в составе этой группы выделяются подгруппы собственно антропонимов (в 279 ед., 10 %), наименований лиц по социальному статусу и профессии (в 239 ед., 8,3 %), половозрастных наименований (в 118 ед., 4 %), терминов родства (в 95 ед., 3,3 %). «Бионимы» (в 565 ед., 20 % в том числе: зоонимы (в 359 ед., 12,7 %), фитонимы (в 111 ед., 3,9 %), орнитонимы (в 44 ед., 1,6 %), ихтионимы (в 14 ед., 0,5 %) и др. бионимы (37 ед., 1,3 %)).

2. «Наименования артефактов» (в 478 ед., 16,7 %, в том числе: наименования предметов быта (в 149 ед., 5,2 %), кулинарные прагматонимы (в 103 ед., 3,6 %), названия материалов и веществ (в 97 ед., 3,4 %), одежды и обуви (в 69 ед., 2,4 %), построек (в 61 ед., 2,1 %)).

3. «Соматизмы» (в 453 ед., 15,8 %).

4. «Наименования натурфактов» (в 429 ед., 15 %, в том числе наименования природных пространств (в 272 ед., 9,5 %), природных явлений и стихий (в 97 ед., 3,4 %), сезонных феноменов и т.п. (в 60 ед., 2,1 %)).

5. «Наименования с количественной семантикой» (в 123 ед., 4,2 %).

6. «Цветобозначения» (в 62 ед., 2 %).

7. «Наименования сверхъестественных существ» (в 19 ед., 0,7 %).

Перечень образных единиц, использованных в паремиях (2256 ед.), приводится в приложении 3.

В **параграфе 2** выявлены актуальные поэтические средства в составе исследуемых паремий. Тропы и фигуры «концентрируют» и «уплотняют» смыслы выражаемых мыслей и способствуют усилению прагматического эффекта. Оперирование такими смыслами, обладающими повышенной ассоциативностью, усиливает воздействие на слушателя. Одни и те же единицы могут актуализировать образные значения в составе разных тропов и фигур. Присутствие 2256 тропеических и фигуральных употреблений в 1410 паремиях свидетельствует о широком распространении в них явления *стилистической конвергенции* – сложного стилистического приема, основанного на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции. Например, в пословице *Комургайлу өлөн кол сайар, / Комудалду санаа ич ойёр* ‘Сухая трава руку колет, / Печальная дума нутро жмет’ метафора *комудалду санаа ич ойёр*, означающая «печальная мысль не дает покоя», функционирует в составе параллелизма.

В текстах лидирующие места в рейтинге употреблений занимают образные параллелизмы и метафоры. В меньшей мере представлены литоты, гиперболы, эпитеты, сравнения, метонимии и перифразы.

Параллелизмы в составе пословиц (п. 2.1.). Образные параллелизмы (305 ед., 15 % паремий) как поэтические приемы в пословицах по-особому отражают алтайскую фольклорную картину мира, в которой представления об окружающей реальности приобретают эстетические свойства и становятся поэтическими. Эти представления включены в систему ценностных ориентиров и послужили образной основой для выражения морально-нравственных императивов. Репрезентируемые в пословичном дискурсе образы людей, животных, ландшафтных и предметных реалий сближаются на основе внешних или «внутренних» признаков.

В параллелизмах доминируют бионимы (использованы в 346 ед., составляющих 15 % от общего объема картотеки всех образных средств), так как в *кеп сөстөр* именно образы представителей животного мира получают рациональную оценку и становятся основой для сопоставлений с людьми. Повадки животных или птиц представлялись алтайцам эталонными при сравнении с поведением людей, при создании характеристик морально-нравственных, интеллектуальных, физических качеств. В этой фигуре речи наиболее востребованным стал образ коня, используемый для объяснения различных черт характеров людей: *Кедер ат жортнос, / Өчөш кижги укпас* 'Норовистый конь не едет, / Упрямый человек не слушает'. В обыденном сознании алтайцев это домашнее животное воспринимается амбивалентно – как существо с отрицательными и положительными качествами. Конь представляется и ленивым, упрямым, медлительным, пугливым, и выносливым, верным. Его отрицательные характеристики актуализируются в описаниях человека упрямого, обидчивого, исполненного гордыни и поддерживаются оценочными прилагательными.

Большой пласт составляют прагматонимы, или наименования предметов быта и культуры, одежды, пищи и пр. (в 320 ед., или 14 %). Образы из вещного мира включены в ассоциативные параллели для объективации различных морально-этических, интеллектуальных, эмоциональных, физических характеристик человека, его речевого поведения: *Укту өдүк бутка жылу, / Угы јакишы улуска жарлу* 'В войлочных сапогах ногам тепло, / Человек из хорошего рода людям известен'. Так, ассоциирование человека с обувью не имеет уничижительного характера, так как речь идет о хорошей национальной обуви: современные алтайцы ее не носят, но устаревшее изречение сохраняется в паремийном фонде.

Символы и метафоры в составе пословиц и поговорок (п. 2.2.). В структурах пословичных текстов символы занимают второе место по количеству употреблений после параллелизмов (334 ед., 14,8 % от всех образных средств). Это связано с тем, что произошла символизация многих

прямых наименований в составе первых частей пословиц, входящих в параллелизмы. Важная особенность символов заключается в том, что они восходят иногда к архаичным представлениям, мифам и обрядам. Например, в фольклоре тюркских и др. народов ворон – птица, предсказывающая смерть, горе. Его образ используется в описаниях людей опасных, зловещих, приносящих беду или просто вызывающих тревогу: *Кускун сөбккө түжсер, / Куда кыска түжсер* ‘Ворон на падаль летит, / Сваты за девицей идут’. Ср. с шор. *Кырык каргага тир ле таш чедер* ‘Проклинающих воронов лишь камень успокоит’. Кроме того, ворон, сорока символизируют человеческое неблагородство, в противоположность им орел – благородство и силу: тув. *Эки эзир тевер, / Кускун, сааскан дойлаар* ‘Хороший орел добудет (букв. ‘пнет добычу’), / Вороны, сороки пируют’.

В основе аллегорий, или метафорических текстов-поговорок, лежит уподобление человека предметам, животным и явлениям окружающей действительности: *Койы жокто – кодыр эчки баштайт* ‘Когда нет барана – отару паршивая коза ведет’. Наибольшее сходство среди метафор в пословицах и поговорках алтайцев и других тюркских народов Сибири наблюдается в кругу биоморфизмов, поскольку большинство аллегорий, как и параллелизмов, содержит бионимы (в 134 ед., 5,9 %), в том числе зооморфизмы (в 97 ед., 4,3 %), с помощью которых описываются особенности поведения и черты характера людей, физические, умственные, социальные и другие характеристики. Так, поведение эмоционально неуравновешенных людей соотносится с образом козла: *Көкүген теке таш сүзер* ‘Резвый козел камень забодает’. Метафоризируются названия природных пространств и мест (59 ед., 2,6 %). Так, метафорой *jol* обозначается линия жизни человека: *Жакшынын жолы чындык, / Жаманнын жолы тыртык* ‘У хорошего дорога правильная, / У дурного дорога кривая’. Жизненный порядок метафорически осмысливается как движение по прямой линии, а отклонение от правильного пути – как движение по кривой. Метафоры на основе наименований артефактов редки (в 52 ед., 2,3 %). Это связано с тем, что качества предметов труднее уподобить человеческим, и, кроме того, такие метафоры относятся к грубым характеристикам лиц. В поговорках такие метафоры возникают на основе кулинарных прагматонимов, например, *жымуртка* ‘яйцо’ обозначает замкнутого, одинокого человека: *Жангыс жумуртка кайда да жыдыр* ‘Одно яйцо в любом месте протухнет’.

В концептуализации понятий, относящихся к миру идей, мыслей, суждений, характеристик лиц используются предикаты, обозначающие качества, состояния, действия человека или предмета (в 66 ед., или 2,9 % от всех образных средств). Метафоризации наиболее подвержены три лексико-семантические группы глаголов: состояния (в 29 ед.), конкретного физического действия (в 22 ед.) и движения (в 15 ед.). Эмоции и чувства концептуализируются с помощью глаголов физического состояния,

движения, перемещения. Так, существительные *кородош* ‘горе’, *ачыныш* ‘гнев’, обозначающие состояния и эмоции человека, сочетаются с глаголами движения и представляются живыми существами, способными к перемещению в пространстве: *Кородош кобы кечер*, / *Ачыныш арт ажар* ‘Горе лог перейдет, / Гнев пороги перевалит’. Предикатными метафорами также выступают прилагательные осязательной и визуально-оценочной семантики (их 61 ед., или 2,7 %). Например, *жымжак* ‘мягкий’ и *жараш* ‘красивый’ при сочетании с лексемой *жүрек* ‘сердце’ обозначают невидимый орган человека – центр сосредоточения его духовных качеств (*жүреги жымжак* ‘сердце мягкое’ и *жүрек жараш* ‘красивое сердце’) и передают значение «добрый»: *Колы каткак*, / *Жүреги жымжак* ‘Руки его твердые, / Сердце его мягкое’ (ср.: *Жүс жараш болгончо*, / *Жүрек жараш болзын* ‘Чем лицо красивым будет, / Пусть лучше сердце красивым будет’). С позиций морали внутренняя красота ценится выше внешней красоты.

Эпитеты в составе пословиц и поговорок (п. 2.3.). Метафорические эпитеты (71 ед., 3,1 %) представляют собой хроматизмы и ахроматизмы (цвето- и светообозначения) — важные элементы визуализации любого текста и репрезентанты того оптического кода, исследование которого позволяет выдвигать ряд предположений о национальной традиции «видения». Поэтические приемы с цветообозначениями в паремиях конвергентны, их можно рассматривать и как эпитеты, и как символы. Доминирование ахроматичных цветов (белого и черного, в 42 ед., 1,8 %) объясняется тем, что пословицы и поговорки направлены на толкование морально-нравственных понятий, и добро и зло, ассоциирующиеся с белым и черным, в этой системе являются базовой оппозицией. Контрастные цвета считаются с древнейших времен простым наглядным способом отражения противостояния света и мрака как жизни и смерти. В составе фразеологизмов сочетания *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’ с *санаа* ‘разум, ум’ и *сагыш* ‘ум, мысль’ характеризуют духовные качества человека: *ак сагышту* ‘добрый, доброжелательный’, *кара сагышту* ‘злой, злонравный’, то же самое – в пословицах: *Ак сагыштуны албаты мактаар*, / *Кара сагышту кинчекке кирер* ‘Добродетельного (букв. ‘Человека с белым помыслом’) народ похвалит, / Злонравный (букв. ‘Человек с черным помыслом’) в беду попадет’. Черный цвет служит природным атрибутом живых существ: *кара жылан* ‘черная змея’, *кара теке* ‘черный козел’: *Кара жыланга каргыш жукпас*, / *Кара теке кайадаг ашпас* ‘К черной змее проклятие не пристанет, / Черный козел со скалы не слетит’. К хроматическим наименованиям (в 10 ед., 0,3 %) относятся: *кызыл* ‘красный’, *күрен* ‘коричневый’, *сары* ‘желтый’: *Кызыл эдин божоп калар* / *Кызыл жүзинг артып калар* ‘Красное тело твое умрет, / Красное лицо твое останется’ (лицо краснеет, когда человек стыдится).

Метонимии в составе пословиц и поговорок (п. 2.4.), образованные на основе отношений «часть – целое», составляют большую группу (52 ед., или 2,3 %). В метонимизации участвуют соматизмы (в 41 ед., 1,8 %), большинство из которых образует конвергентные метонимии-метафоры. Так, метонимия-метафора *кол* ‘рука’, сохраняя символическое значение ‘орган действия’, может обозначать и самого человека: *Кол чөнүрер, / Көн көдүрер* ‘Одна рука заставит тонуть, / Много [рук] поднимут’. Наименований артефактов, участвующих в метонимизации, немного (в 7 ед., 0,3 %), например: *Керик кижжи кеден кийер* ‘Скупой человек холст наденет’.

Гиперболы и литоты в составе пословиц и поговорок (п. 2.5.). Гипербол в алтайских пословицах и поговорках выявлено 46 единиц, или 2 %, литот – 47, или 2,1 % от всех образных средств. Эти тропы образуются на основе бионимов (14 ед., 0,6 %), в частности зоонимов. Образы крупных животных – верблюда и бычка – использованы для гиперболизации лжи и правды: *Төдчө төдгүн болгончо, / Торбокчо чындык болзын* ‘Чем ложь с верблюда, / Лучше правда с бычка’. Для преуменьшения или преувеличения силы, величины предмета или явления используются и артефактные образы (в 10 ед., 0,4 %): *Туудый күл болгончо, / Айакча аш болзын* ‘Чем золы с гору будет, / Лучше зерна с чашку будет’. Гипербол и литот, выраженных образами явлений природы, немного (2 ед., 0,1 %), что определяет специфику этих жанров.

Сравнения в составе пословиц и поговорок (п. 2.6.). «Чистое» сравнение по количеству уступает другим тропам и фигурам речи, близким ему: образному параллелизму и метафоре (всего 35 ед., 1,6 %). Сравнения характерны для всех тюркских паремийных фондов, но особенно их много в якутском: *Барбатах ыт сыгынабы урэригэр дылы* ‘Подобно отставшей собаке, лающей на бурелом’. Предметом сравнения становится человек или артефакт, эталонами – различные образы, в частности, выражаемые с помощью бионимов (в 15 ед., 0,7 %), в том числе зоонимов (в 5 ед., 0,2 %). Так, устоявшийся в сознании тюрков и славян образ зайца воспринимается как эталонный для пугливого существа: алт. *Коркынчак кижжи койонго тунгей, / Турумкай кижжи тууга тунгей* ‘Трусливый человек, как заяц, / Стойкий человек, как гора’; хак. *Хозан осхас хортых, / Сеек осхас маңзырос* ‘Как заяц, трусливый, / Как мышь, торопливый’; якут. *Куобах курдук хоргус* ‘Труслив, как заяц’. Помимо биоморфизмов, в сравнения вовлечены названия натурфактов, рельефно-ландшафтные наименования, артефакты.

Перифразы в составе пословиц и поговорок (п. 2.7.) (34 ед., 1,5 %) чаще всего характеризуют человека (15 ед., 0,7 %), и для этого привлекаются соматизмы (в 14 ед., 0,6 %), актуализирующие определенные физические особенности людей. Используются наименования человека по частям его тела (в 6 ед., 0,3 %): *јаакту* ‘зубастый’ (букв. ‘щекастый’, об агрессивном человеке), *јарынду* ‘плечистый’ (о физически крепком человеке), *тулунду* ‘с косой’ (о женщине), *билеги јоон* ‘с толстым локтем’ (о физически сильном

человеке). *Jaактула кериште, / Jарындула согуша* ‘С зубастым не ссорься (букв. ‘с щекастым’), / С плечистым не дерись’. В перифразах использованы и бионимы (в 8 ед., 0,8 %), с их помощью осуществляется номинация животных по их частям тела, типа *туйгакту* ‘с копытами’ (о скоте), *тырмакту* ‘с когтями’ (о звере), *коокой* ‘сероглазый’ (о волке). Одна из причин возникновения перифраз – эвфемистические замены, т. е. замены табуированных или нежелательных для употребления слов: *Коокойго кой кабыртпа, / Копчыга сös тындатпа* ‘Не дай волчице (букв. коокою) овцу пасти, / Не дай сплетнику разговор подслушать’. Употребление эвфемизмов, связанных с медведем или волком, характерно для фольклора многих народов Сибири. Считалось, что они могут стать для человека враждебными силами.

Поэтический строй алтайских паремий отражает систему образов, культурно-исторически закреплённых в фольклоре и языке. Выявленный образно-лексический пласт связан с национальной картиной мира алтайцев, духовной и материальной культурой, бытом и мировоззрением. Совокупные представления о тех или иных предметах, сформировавшиеся в алтайской культуре (с древнейших времен до сегодняшнего дня), сохраняются в фольклорном сознании и формируют культурные коды.

Анализ образных средств, объективируемых *кеп ле уака сöстөр*, позволил выявить следующие культурные коды, реализуемые в алтайской паремике: антропный (собственно человеческий), биоморфный, природный (геоморфный), артефактный, соматический, числовой, временной, хтонический и духовный. Внутри них есть более частные «субкоды». Например, биоморфный код состоит из зооморфного, вегетативного, орнитоморфного.

Духовный код культуры, включающий в себя нравственные ценности и связанные с ними базовые концепты культуры, в исследуемом дискурсе является основным, поскольку с ним связана функционально-прагматическая направленность рассматриваемых жанров. Все другие коды выступают средством представления духовного. Основной концепт, на который «работают» все культурные коды, – *КИЖИ ‘ЧЕЛОВЕК’*. Биоморфный код в пословично-поговорочном дискурсе является доминирующим: различные образы животных и растений служат средствами для создания характеристик человека. Немаловажную роль в поэтике паремий играет соматический код. Представления о частях тела послужили основами для характеристик духовно-нравственных, интеллектуальных, эмоционально-психических, физических, социальных качеств человека.

Наличие параллелей алтайским пословицам в фольклоре других тюрков Сибири усиливается общностью образно-поэтических средств, что позволяет утверждать о типичности не только поэтики, но и концептуальных систем. В основе тропов и стилистических фигур в паремиях южносибирских этносов

лежат схожие образные представления о действительности. Образная система якутских паремий наиболее архаичная, так как она зафиксировала более древние представления, связанные с магией, тотемизмом, шаманизмом; это отразилось и в том, что якутские пословицы и поговорки чаще включают в свой состав сравнения, считающиеся наиболее архаичной разновидностью фигур. Эти паремии оказываются на периферии употребления.

Третья глава «**Прагматические и поэтико-синтаксические особенности алтайских пословично-поговорочных текстов**» посвящена определению прагматических свойств и грамматических структур, приоритетных для пословично-поговорочных жанров, рассмотрению их поэтико-синтаксического строя.

В пословицах и поговорках употребляются строго определенные, заданные прагматикой этих жанров, грамматические формы времени, лица и наклонения, служащие для выражения прагматических целей, коммуникативных намерений говорящего.

В **параграфе 1** выделены общие прагматические характеристики алтайских паремий. Кроме фактической информации, в пословицах содержится субъективная информация, выражающая оценку говорящего к сообщаемому факту. Их событийное содержание может быть представлено в дискурсе в различной 'модусной оправе', т. е. как оценка, просьба, предостережение, разрешение, совет, запрет, пожелание, упрек, сетование. Эти речевые жанры выражаются грамматически формами наклонений и модальными предикатами. Характерные для алтайских паремий два типа высказываний – ценностные (оценочные) и нормативные – формируют разные типы речевых жанров.

Ценностные и нормативные типы оценочных высказываний в пословицах и поговорках (п. 1.1.). Нормативные суждения, составившие 68 % (964 паремии) преобладают, ценностных суждений выявлено всего 32 % (446 паремий). Коммуникативная цель ценностных алтайских пословично-поговорочных высказываний – оценка признака, качества человека, предмета и пр. Ценностные суждения отсылают к некоторому стандарту, нормативу. Нормативные высказывания оценивают действия, поступки человека с позиций нормы.

Основными средствами выражения оценочной модальности являются различные лексемы оценочно-эмоционального характера, в основном прилагательные, наречия, а также существительные в функции образно-оценочных номинаций в составе тропов и фигур, рассмотренных в гл. 2 (метафор, сравнений и т.д.). В структуре пословиц и поговорок частнооценочные средства (*глупый, скупой* и т.д.) доминируют над общеоценочными (*хороший, плохой*). Часть нормативных высказываний несет в себе неявно выраженную оценку (всего 383 ед.), т. е. она лишь находится в сознании субъекта речи; само пословичное выражение может

представлять собой результат этой оценки факта: *Ашты жибей жадын, амтамын алба* 'Не попробовав еду, о ее вкусе не суди' (здесь отрицательная оценка имплицитна: скрыто осуждаются поспешные выводы).

Типы дискурсивных жанров в ценностных пословицах и поговорках и рейтинг выражаемых ими семантических типов оценок (п. 1.3.). В ценностных суждениях представлены два дискурсивных жанра, выражающих коммуникативные интенции: 1) в высказываниях в положительном аспекте – похвала (216 ед., 15 %); 2) в высказываниях в отрицательном аспекте – порицание (230 ед., 17 %). Похвала рассматривается как дискурсивный жанр, в котором говорящий выражает положительную оценку предмета, и *кеп ле укаа сөстөр*, относящиеся к похвалам, служат основным средством положительного эмоционального воздействия на адресата. Под порицанием понимается дискурсивный жанр, в котором говорящий выражает отрицательную оценку.

Для алтайских паремий, оформленных как ценностный тип высказывания, характерны 6 семантических типов частных оценок, вытекающих из содержания оценочных предикатов.

1. *Этические оценки* духовно-нравственных качеств человека (272 ед., 20 %): *Jaан сууда кечү жакшы, / Jaан jaштунын керсүзи жакшы* 'На большой реке мост хорош, / Среди старых и молодых мудрый хорош'.

2. *Ментально-психологические оценки* (57 ед., 4 %), из них *интеллектуальные оценки* (22 ед., 1,5 %): *Jaанда сагал бар, / Jaшта санаа бар* 'У старого борода есть, / У молодого ум есть'. *Эмоциональные оценки* (35 ед., 2,5 %): *Көөш казан көбирчек, / Көбөк кижжи ачынчак* 'Чугунок-казан быстро закипает, / Человек из рода кёбёк обидчив'.

3. *Телеологические оценки* (4 %, 50 ед.): *Jaгыс кижжи жалынчак, / Эштү кижжи эпчил* 'Одинокий человек жалкий, / Человек в паре счастливый'.

4. *Сенсорно-вкусовые оценки* (2 %, 23 ед.): *Тайдын эди жок болзо – / Табыргынын да эди тату* 'Когда мяса жеребенка нет – / И мясо кабарги сладкое'.

5. *Эстетические оценки* (17 ед., 1 %): *Јүс јараиш болгончо, / Јүрек јараиш болзын* 'Чем лицо красивым будет, / Пусть лучше сердце красивым будет'.

6. *Утилитарные оценки* (16 ед., 1 %): *Јарык јылдыс айга туза, / Јакшы кижжи јонго туза* 'Яркая звезда луне нужна, / Хороший человек народу нужен'.

Типы дискурсивных жанров в нормативных пословицах и поговорках (п. 1.3.). Нормативные высказывания устанавливают какие-либо нормы поведения и формируют дискурсивные жанры: 1) констатацию; 2) порицание; 3) похвалу; 4) запрет; 5) рекомендацию; 6) пожелание; 7) предостережение; 8) предписание; 9) обязательство. Используются формы разных наклонов: изъявительного (703 ед.), повелительного (114 ед.),

условного (86 ед.), повелительно-желательного (29 ед.). К ним примыкают средства, выражающие модальность долженствования (7 ед.).

1. *Нормативные кеп ле укаа сѳстѳр с предикатами в формах изъявительного наклонения* (703 ед.). Здесь преобладает констатирующий тип высказываний (всего 406 ед., 28,6%). Из общего количества нормативных пословиц 206 (14,5 %) касается отрицательных поступков человека, выражают порицание (*Аксак бѳрѳ ан тутпас, / Тили јаман сѳ тутпас* ‘Хромой волк зверя не удержит, / Плохой язык слова не удержит’). Похвалу положительных поступков человека выражают всего 91 ед. (6 %) (*Аштаганга курсак берер, / Астыкканга ижемји кѳргѳзер* ‘Проголодавшемуся еду подаст, / Заблудшему дорогу укажет’).

В нормативных пословицах личные формы глагола имеют обобщенно-личный характер, чаще всего употребляется форма 3-го лица ед. числа настояще-будущего времени с формой на =*ар* (24,6 %, или 349 ед. от общего количества нормативных паремий). Менее востребованы: форма глагола 2-го лица ед. числа будущего времени (1,6 %, или 23 изр.), форма 2-го лица множ. числа (0,2 %, 4 изр.) и форма 1-го лица ед. числа (0,2 %, 3 изр.). Эти формы обеспечивают реализацию нравоучительного смысла пословиц в определенных коммуникативных ракурсах.

2. *Нормативные кеп ле укаа сѳстѳр с предикатами в формах условного наклонения* (всего 86 ед., 6,1 %). Условие необходимо для достижения некоторой цели, и его можно рассматривать как предписание следовать правилам или как предостережение. Условиями могут быть обязательное соблюдение норм морали и принципов коллективного жития, исполнение трудовых обязанностей (34 примера, 2,4 %): *Јортсон – јол болор, / Јобоп алзан – мал болор* ‘Поедешь верхом – путь будет, / Потрудишься – скот будет’ (труд как условие достижения благополучия). Несоблюдение норм морали и принципов коллективного жития, неисполнение трудовых обязанностей приводит к противоположным результатам (52 примера, 3,7 %): *Бир мекелезенг – / Экинчи катап мекелеп болбозын* ‘Один раз обманешь – / Второй раз не сможешь обмануть’.

3. *Нормативные кеп ле укаа сѳстѳр с предикатами в формах повелительного наклонения* (8 %, или 114 ед. от 1410 паремий). Форма сказуемого в императиве принимает форму 2 лица ед. числа (6,4 %). Сказуемым в положительной форме выражается рекомендация (49 ед., 3,5 %), побуждающая человека к правильным поступкам, которые не противоречат моральным и общественным нормам: *Иит кирзе, сѳк бер, / Кижи кирзе, курсак бер* ‘Собака зайдет, кость дай, / Человек зайдет, пищу дай’ (совет быть гостеприимным). Чаще всего выражается запрет с целью предостережения адресата от негативных поступков (65 ед., 4,6 %): *Јаш баланы кайкаба, / Карган кижиге укааркаба* ‘Маленьким ребенком не восхищайся, / Перед старым человеком не умничай’.

4. *Нормативные кеп ле укаа сѳстѳр с предикатами в формах повелительно-желательного наклонения* Tv=зын=// (29 ед., 2 %). В таких сложных предложениях всегда присутствует антитеза: *Јакшы курсак калганча, / Јаман карын јарылзын* ‘Чем хорошей еде оставаться, / Пусть лучше плохой живот лопнет’.

5. *Нормативные кеп ле укаа сѳстѳр с модальностью, выражающей долженствование.* Долженствовательную модальность выражают форма =атан и модальные предикаты учурлу ‘должен’, керек ‘нужен, необходим’ (32 паремии, 2,3 %): *Јуттаган тенгери айазатан, / Чугулдашкан улус токтойтон* ‘Пасмурное небо распогодится (должно распогодиться), / Поссорившийся люд помирится (должен помириться)’.

Грамматическое и художественное время в пословицах и поговорках (п. 1.4.). В пословицах и поговорках описываются события, которые протекают в границах времени-обобщения, называемом художественным. В исследуемых текстах все времена (с прошедшей, настоящей и будущей семантикой) нейтрализуются, и все их значения направлены на выражение абстрактного (вневременного) настоящего времени. Для грамматической структуры алтайских паремий характерны простые, синтетические формы времени. Формы *настоящего времени* встречаются в 712 (50,5 %) паремий: *Тейлеген ѳрѳ бийикте теерет, / Тееркек ѳрѳ бийикте тееркейт* ‘Ястреб высоко кружит, / Заносчивый безмерно важничает’. Грамматическая форма на =ар (24,8 %, или 349 паремий), выражающая в языке значение *будущего времени*, в пословично-поговорочных высказываниях приобретает семантику настоящего: *Јакшы сѳс јарым атка турар* ‘Доброе слово пол-лошади стоит’. Формы *прошедшего времени* (давнопрошедшего времени – =ган и недавнопрошедшего – =ды) обозначают результат действия, совершенного в абстрактном прошлом (их немного – 1,9 %): *Тонын јырттырган, / Токпогын кандырткан* ‘Шубу свою дал порвать, / Кулак свой дал поранить’; *Јангыс кодырлу кой мун койды артатты* ‘Одна паршивая овца тысячу овец испортила’. В пословицах или поговорках действия, обозначенные в прошедшем времени с позиции настоящего, не имеют отношения к конкретному прошлому.

В **параграфе 2** описаны поэтико-синтаксические особенности *кеп ле укаа сѳстѳр*. Доминирующим поэтическим признаком, присущим алтайским пословицам и поговоркам, является обязательное присутствие рифмы, создающейся различными видами повтора: эвфоническими, лексическими, грамматическими, синтаксическими. Считается, что рифма в устных поэтических произведениях возникла в параллелизме, это означает, что эвфонические характеристики поэтических произведений тесно связаны с композиционно-синтаксическими.

Композиционно-синтаксическая и ритмико-звуковая организация алтайских пословиц и поговорок (п. 2.1.). Алтайские пословицы и поговорки

чаще всего имеют стихотворную форму. Большинство алтайских пословиц (*кеп-сѳтѳр*) построено в форме двучленного параллелизма, т. е. в традиционной форме тюркского стиха (59 %). Синтаксический параллелизм присутствует в 852 паремиях, он отсутствует в одночастных поговорках, состоящих из одного простого предложения (в 260 ед., 18,4 %) или осложненного и сложного предложений (в 326 ед., 23 % от общего количества сложных и осложненных предложений – 486 ед., или 34,5 %).

Рифма характерна для большинства пословиц и поговорок (93,6 %), лишь в 6,4 % пословицах и поговорках (90 ед.) можно увидеть наличие фонетических созвучий. К разновидностям эвфонического повтора относятся аллитерация, точное или приблизительное созвучие любых начальных звуков или звуковых групп (анафора, эпифора, параллелизм и т.д.). Выделяются два аллитерационных типа: *ассонансный* и *консонансный*: *Өчѳш кижѳи ѳрѳ кѳрбѳс* ‘Упрямый человек вверх не смотрит’ (аллитерируются гласные [ѳ]); *Сайгакчы кижѳи сайгагына сайылар* ‘Клеветник сам на свою клевету напорется’ (аллитерируются свистящие и заднеязычные). Повторы гласных звуков зависят от сингармонизма (данный фонетический закон распространяется и на поэтику паремий других тюркских этносов).

Синтаксический параллелизм требует поэтической гармонии стиха с одинаковым количеством слогов. Ритмическая строка алтайских паремий может содержать в себе от четырех до девяти слогов, которые делятся на равнозначные стопы, тесно связанные не только ритмом, но и по смыслу. В равносложных стихах количество слогов полностью совпадает в обеих частях, и стихи являются изосиллабическими. Но этот признак неустойчив, поскольку количество слогов может колебаться. В изречениях, в которых отсутствует синтаксический параллелизм, соразмерность достигается различными способами: одинаковым количеством слогов, фонетическими, морфологическими или лексическими повторами: *Беши карындаш бирлик болзо, / Бежен черѳге жендиртпес* ‘Если пятеро братьев едины будут, / То пятидесяти войскам не дадут себя одолеть’. В этой пословице, выраженной в форме сложного предложения, в одночленном параллелизме присутствует начальная аллитерация звукокомплексов *беш* и *бежен*.

Общая характеристика поэтико-синтаксических средств в алтайских пословицах и поговорках (п. 2.2.). В исследуемых текстах представлены все синтаксические типы предложений, существующие в языке вообще: простые, осложненные и сложные. Их особенностью является то, что в них предпочтительными оказываются простые предложения (924 ед., 65,5 %), сложных предложений в два раза меньше (436 ед., 31 %), осложненных предложений еще меньше (50 ед., 3,5 %). Важную роль в формировании поэтической структуры алтайских паремий, кроме синтаксического параллелизма, играют экспрессивные средства синтаксиса, направленные на

создание лаконичного текста, такие как *эллипсис*, приводящий к неполноте структуры предложения, и *компрессия*, создающая полипропозитивность, осложненность синтаксической структуры. Наряду с ними ритмическая организация, рифма и эвфония закрепляют синтаксический строй паремий.

Неполные предложения часто порождаются в разговорной речи и поэтическом дискурсе. Как правило, структуре таких предложений пропускается один из главных членов, и это придает фольклорной речи динамизм и экспрессию, уплотняет информацию: *Јакишыга јаба бас*, / *Јаманнан кезде бас* ‘К хорошему навстречу иди, / От плохого прочь иди’; *Кийик тўгинен*, / *Кижги кылыгынан* ‘Зверя по шерсти [видно], / Человека по поступкам [видно]’.

Употребление свернутых предикатов в паремиях предопределено принципом максимальной экономии средств и лаконичного выражения мысли: *Јалакайга улус та кару* ‘К отзывчивому и люди добры’ (в поговорке присутствуют две пропозиции: 1) человек отзывчивый; 2) люди добры). С такой точки зрения, такие ассиметричные конструкции оказываются осложненными, неэлементарными. Для сжатия информации в функции подлежащего или дополнения часто употребляются субстантивированные прилагательные (348 ед., или 81 % в 1410 паремиях) и причастия (83 ед., или 19 %), компрессирующие информацию (*Јакишыла јабарлашпа*, / *Јаманла најылашпа* ‘С хорошим не ссорься, / С плохим не дружи’).

Поэтико-синтаксические особенности простых предложений в пословицах и поговорках (п. 2.3.). Простые глагольные предложения в пословицах и поговорках также разнообразны (470 ед., 33,3 %). В них главным компонентом выступает глагол, имеющий определенную синтаксическую валентность. Представлены модели глагольных предложений с семантикой: *состояния* (*Ўурлу јўргендер ўркўбес*, / *Кожо јўргендер коркыбас* ‘Стадом ходящие не испугаются, / Вместе живущие не побоятся’), *физического действия* (*Јаткан јыланнын бажына баспа*, / *Јаман кижинин сўзине кирише* ‘На голову лежащей змеи не наступай, / В разговор плохого человека не вмешивайся’), *интеллектуальной деятельности* (*Јакишы јаманды билбейт*, / *Јаман кижги јакишыны билбейт* ‘Добрый зла не знает, / Злой добра не знает’), *локализации* (*Галтар сассыман јерде јўретен* ‘Коростель в болотистом месте живет’), *физического движения* (*Кысту кижги кыр ажар* ‘Человек, имеющий дочь, гору перевалит’), *эмоционально-психических операций* (*Ачуга ачынба*, / *Сўўнўшке сўўнбе* ‘В горе не горюй, / В радости не радуйся (букв. ‘Горю не сердись, / Радости не радуйся’).

В глагольных простых предложениях прослеживается избирательное выражение главных членов: представляются наиболее важные, информативные компоненты; наблюдается пропуск избыточного члена –

подлежащего-субъекта или дополнения-объекта, которые должны быть выражены личными местоимениями во 2-м или 3-м лице.

Выявленные в диссертации структурно-семантические варианты глагольных предложений в пословицах и поговорках отражают наличие в них каких-либо структурных и семантических различий, зависимость актуализации тех или иных компонентов от стремления говорящего к построению лаконичного поэтического текста.

Именные предложения (32,2 %, 454 ед.) представлены моделями предложений с семантикой: характеризации субъекта (*Ачу чегенниг аарчызы көп, / Анчы кижиниг азыгы көп* 'Из кислого молока творога много, / У охотника припасов много'), бытия (*Керик кижиде мак јок, / Јаман кижиде наајы јок* 'У жадного человека доброй славы нет, / У плохого человека друга нет'; с метафорическим локализатором: *Тон агашты чокыган томырткада сагыш јок* 'У дятла, долбящего мерзлое дерево, ума нет'), реляции, выражающие отношение субъекта к другим субъектам или объектам (*Аданын – уулы, / Аргымактын – кудуны* 'Сын – для отца (букв. 'отца'), / Жеребенок – для скакуна'). В именных предложениях, в отличие от глагольных, главный член – подлежащее – присутствует всегда. Как глагольные, так и именные предложения подвержены метафоризации.

Поэтико-синтаксические особенности сложных предложений в пословицах (п. 2.4.). Для синтаксиса алтайских пословиц характерны разные виды сложноподчиненных и бессоюзных предложений, выражающие основные логические отношения: условия, времени, уступки, причины и следствия, определения. Для их структуры характерны такие стилистические приемы, как аллитерация, лексический повтор в конце, т.е. эпифора.

Алтайские пословицы могут быть выражены следующими разновидностями сложного предложения: определятельными (*Узанганы ус болор, / Уурданганы уурчы болор* 'Кто мастерит, тот мастером станет, / Кто ворует, тот вором станет'); условными (*Јакшыны ээчизенг, оозын јуулу, / Јаманды ээчизенг, бажын канду* 'За добрым последуешь, твой рот в сале, / За дурным последуешь, твоя голова в крови'), сравнительно-сопоставительными (*Јүс јожон ат болгончо, / Сок јангыс јүгүрүк болзын* 'Чем сто смирных лошадей будет, / Лучше один единственный скакун будет'), цели (*Уйуктарга – тўјси јок, / Уйаларга – јўзи јок* 'Чтобы заснуть – сна нет, / Чтоб устыдиться – совести (букв. 'лица') нет' (следует стыдиться своих пороков), уступки (*Боро до болзо, мал эмей, / Бойдон до болзо, бала эмей* 'Хотя и серый, все равно конь, / Хотя и холост, все равно ребенок'), времени (*Суузаганда – суудан тату неме јок* 'Когда хочется пить – / Слаще воды ничего нет'), относительными (*Адазы кандый – балдары андый* 'Какой отец – такие и дети'). В пословицах, выраженных в форме сложноподчиненных предложений, наблюдаются аллитерация, анафора, звуковые и лексические повторы, придающие им ритмическую стройность и

поэтическое благозвучие. Сложные пословичные предложения являются составными частями синтаксического параллелизма.

К бессоюзным сложным предложениям относятся лишь такие конструкции, которые имеют смысловую связь частей (29 ед., 2 %) и выражают 4 разновидности отношений: противительные (*Оозыгла этпе – / Колынгла эт* ‘Не ртом работай – / Руками работай’), изъяснительные (*Кижиге күйүнбей жүр – / Ырызынды көрбөй каларын* ‘Человеку не завидуй – / Свое счастье не заметишь’), причинно-следственные (*Күүктин үни сериген – / Күстин күни баишталган* ‘Голос кукушки притих – / Осенние дни начались’), условные (*Колынгла берерзинг – / Будынгла жоборзын* ‘Руками отдашь – / Ногами забереешь’). Бессоюзие (асиндетон) в них служит особым поэтическим приемом построения лаконичного стихотворного текста. В их структурах наблюдаются такие обязательные стилистические элементы, как параллелизм и аллитерация.

Впервые проведенный анализ синтаксиса *кеп ле укаа сөстөр* показал богатство и разнообразие их поэтико-синтаксических форм, обусловленные разнообразием живой народно-поэтической речи. Наиболее предпочтительными являются простые глагольные и именные предложения, в которых количество компонентов не превышает трех. Пословицы или поговорки включают в синтаксический состав только самые необходимые для выражения смысла слова. Важной поэтико-синтаксической особенностью рассматриваемых фольклорных единиц является то, что элементарная основа предложений в их составе, отражаемая в моделях, сохраняется не полностью, некоторые компоненты «отсекаются».

Для сжатия информации используется компрессия, осуществляемая способом субстантивации. Дополнение структуры элементарных простых, глагольных и именных, предложений субстантивированными предикатами или определениями, в большинстве случаев выраженными прилагательными и причастиями, свидетельствует об их неэлементарности, осложненности. Различные стихотворные приемы, такие как аллитерационная рифма, повтор задают устойчивость композиционно-синтаксической структуры паремий.

В четвертой главе «**Алтайская паремическая картина мира**» реконструирована паремическая картина мира, представленная в *кеп ле укаа сөстөр*. Термин *паремическая картина мира*, которым обозначается «наивная» картина мира, объективированная в пословицах и поговорках, отражает интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение народа к действительности. Паремическая картина мира – это часть фольклорной и языковой картин мира, она «консервирует» принятые в обществе нормы морали, ценности, стереотипы поведения.

В **параграфе 1** представлена реконструкция паремической картины мира на основе концептов, объективируемых пословицами и поговорками. Концептуальное ядро этих текстов составляют две концептуально-

тематические макрогруппы: пословицы, отражающие концептуализацию человека, и пословицы, отражающие предметную концептуализацию. Большинство алтайских паремий репрезентирует макроконцепт *КИЖИ* 'ЧЕЛОВЕК' (то есть в 1141 ед., в 81 % всех паремий). С ним связаны представления о следующих сторонах человека: социальных (в 334 ед., 24 %: *Јаказы јок тон болбос, / Јааны јок јурт болбос* 'Без ворота шуба не бывает, / Без старшего семьи не бывает'), экономических (трудовых) (в 207 ед., 15 %: *Ијенчиле ыраак барбазын, / Ијингле јол аларын* 'С надеждой далеко не уйдешь, / Своим трудом дорогу осилишь'), речевых (в 185 ед., 13 %: *Кӧп адын, мерген болбос, / Кӧп айдын, чечен болбос* 'Много стреляя, метким не станешь, / Много говоря, речистым не станешь'), духовно-нравственных (в 168 ед., 12 %: *Уйку кӧс ойкӧӧр, / Уйат мандай јарар* 'Сон глаза точит, / Стыд лоб расколет' (т. е. вынудит краснеть)), биологических (в 140 ед., 10 %: *Эр јиидиркек кӧксинде, / Кыс јиидиркек кӧзинде* 'Молодость мужчины в его сердце, / Молодость девушки в ее глазах'), интеллектуальных (в 75 ед., 5 %: *Тенекти кӧкӧтпе, / Тедӧни јурет* 'Глупого не поощряй – / Умного учи'), эмоциональных (в 30 ед., 2 %: *Сӱӱнгенде – сӱре сыктаар* 'Очень радоваться – горько плакать'). Человек выступает как носитель различных внешних признаков и внутренних качеств. Концепт *НЕМЕ* 'ПРЕДМЕТ' представлен в меньшем количестве паремий (269 ед., или 19 %), в них даются определения качеству и количеству вещей, утверждается их польза для человека, даются советы о том, как относиться к своим вещам (бережно, экономно и т. д.): *Кой кепти кичееп кий, / Эчки кепти эптеп кий* 'Овечью шубу бережно носи, / Козью шубу, приспособиваясь к ней, носи'.

Некоторые характеристики человека отражены в бинарных оппозициях, актуальных для алтайской лингвокультуры. Отсутствие бинарности является показателем того, что некоторые признаки макроконцепта не объективированы.

Привлечение экспериментальных данных для уточнения состава и семантики алтайских пословиц и поговорок (п. 1.1.). Для фиксации этих жанров, уточнения их семантики и прагматики нами был проведен опрос респондентов по репрезентантам концептов. Такой способ оказался эффективным для сбора материала. Проведенное полевое исследование показало устойчивый характер коллективных представлений о многих понятиях, что свидетельствует о стабильности и сохранении традиций в современном алтайском обществе.

Эксплицитность / имплицитность концептуальных смыслов пословиц и поговорок (п. 1.2.). По наличию образных компонентов все паремии подразделены на три типа: 1) пословицы и поговорки с прямой мотивировкой значений (всего 740 единиц, 52 % от общего объема картотеки): *Јокту байыза, јогын ундубас, / Бай јоксыраза, байын ундубас*

‘Бедный разбогатеет, нищету свою не забудет, / Богатый обеднеет, богатство свое не забудет’; 2) пословицы и поговорки с частичной образной мотивировкой значений (всего 602 единицы, 43 %): *Кедер ат кемге де керек жок* ‘Упрямый конь никому не нужен’; 3) пословицы и поговорки с полной образной мотивировкой значений (68 единиц, 5 %): *Жылу жерди жылан сүүр* ‘Теплое место змея любит’.

В диссертации пословицы и поговорки по содержанию классифицируются на основе их общего смысла, или семантического инварианта. Пословицы, как с прямыми значениями, так и с переносными, могут относиться к одной смысловой модели, т. е. быть синонимичными. Некоторые из них являются вариантами одной и той же пословицы. Сущность того или иного концепта или его признака раскрывает множество семантических инвариантов пословиц.

В **параграфе 2** представлена реконструкция макроконцепта *КИЖИ* ‘ЧЕЛОВЕК’ и смысловые модели, его выражающие.

Репрезентация социальных отношений (п. 2.1.). Человек в алтайской паремике выступает прежде всего как социальное лицо. Это связано с коммуникативными функциями паремийных жанров – регулировать социальные отношения. Любой человек мыслит себя как член общества, связанный с другими людьми.

Изречения с концептом *АЛБАТЫ* ‘НАРОД’ (63 ед., 4,3 %) утверждают нормы и правила мирного сосуществования в обществе, преимущество коллективного бытия: *Сенин көзин – бир көс, / Албатынын көзи – мун көс* ‘Твои глаза – один глаз, / Глаз народа – тысяча глаз’. Так, раскол в обществе сравнивается с разбродом в стаде: *Бөлингенди бөрү жиур, / Айрылганды айу жиур* ‘Расколовшихся волк съест, / Разлучившихся медведь съест’..

Паремии с концептами *НӨКӨР* ‘ДРУГ’ – *ӨШТҮ* ‘ВРАГ’ (17 ед., 1,2 % – 1 ед., 0,1 %) направлены на утверждение дружбы как залога мирного сосуществования людей в обществе: чалк. *Тьякшы кижиде көрүштер көп, / Ужакшы кижиде өштүглер көп* ‘У хорошего человека друзей много, / У плохого человека врагов много’; тув. *Эки кижее эш хөй, / Эки аътка ээ хөй* ‘Доброму коню много хозяев найдется, / Хорошему человеку много друзей найдется’.

Паремии, объективирующие концепты *ЭЭЗИ* ‘ХОЗЯИН’ – *АЙЫЛЧЫ* ‘ГОСТЬ’ (7 ед., 0,5 % – 7 ед., 0,5 %), утверждают правила, как хозяин должен принимать гостей и как гости должны вести себя: *Төббөсінде санаалунун / Төринде айылчы отуратан* ‘У умного на почетном месте гость сидит’; *Тойгон жерде тогус конбо, / Отурган жерде отус конбо* ‘Там, где ел, девять раз не ночуй, / Там, где сидел, тридцать раз не ночуй’.

Пословицы и поговорки с концептами *ЭР КИЖИ* ‘МУЖЧИНА’ – *ҮЙ КИЖИ* ‘ЖЕНЩИНА’ (13 ед., 0,9 % – 13 ед., 0,9 %) отражают представления традиционного алтайского общества, в котором мужчина считался не только

продолжателем рода, но и его защитником, поэтому в пословицах подчеркивается превосходство мужчин перед женщинами: *Алтын башту кадыттан / Арык башту эр артык* ‘Лучше мужчина с худой головой, / Чем баба с золотой головой’. Проблему выбора будущей жены алтайцы обсуждают открыто, что подтверждает ее значимость. Даются советы жениться на своих женщинах с положительными морально-нравственными качествами (*Орус үйлү кижиде амыр жок* ‘У человека, подстелившего под голову собаку, сна нет, / У человека с русской женой покоя нет’). Такие пословицы могли появиться в результате осознания алтайцами неудачных браков с представительницами иной культуры и национальности. Не советуют брать в жены дочь плохой матери. В традиционном обществе плохой считалась мать, которая не смогла привить своей дочери правила благопристойного поведения.

Концепты *БАЛА ‘РЕБЕНОК’ – ЭНЕ-АДАЗЫ ‘РОДИТЕЛИ’* (63 ед., 4,3 %) объективированы в пословицах с наставительной функцией, утверждающих нормы взаимоотношений между родителями и детьми. Дети для алтайца – богатство. Акцентируется роль родителей в воспитании детей: *Энелү кижжи токуналу, / Адалу кижжи омок* ‘Человек с матерью спокоен, / Человек с отцом бодр’.

Паремии с концептом *ТӨРӨӨНДӨР ‘РОДСТВЕННИКИ’* (44 ед., 3 %), определяют правила взаимоотношений между членами рода. Наличие родственников означает, что человек не одинок, у него есть поддержка: *Агаи тазылы жер өткүре, / Кижжи тазылы эл өткүре* ‘Корни деревьев внутри земли, / Корни человека внутри рода’.

Социальные признаки *бай ‘богатый’ – жокту ‘бедный’* (21 ед., 1,5 % – 27 ед., 1,9 %) характеризуют макроконцепт *ЧЕЛОВЕК* по наличию накопленного богатства. Положительная оценка дается богатому и добродетельному человеку, отрицательная – богатому и скупому, жадному. *Майдан тamar, / Байдан жедер* ‘С масла капнет, / От богатого достанется’. Осуждаются все пороки богачей: их скупость, жадность, высокомерие.

Немаловажное значение для алтайцев имеет концепт *КУДАЙ ЯНГЫ ‘РЕЛИГИЯ’* (10 ед., 0,7 %). В некоторых из них отразилось негативное отношение алтайцев к священникам. Исторически это связано с тем, что христианизация алтайцев-язычников в XIX в. проводилась в ряде мест насильственными способами: *Серенке одында чок жок, / Серкпе жагында чын жок* ‘От спичечных палочек угля нет, / В церковной вере правды нет’. К шаманам тоже относились неоднозначно, считая их лентяями и обманщиками: *Уйалбаза, кам болор, / Жалкуурбаза, ус болор* ‘Не постыдится – шаманом станет, / Не поленится – мастером станет’. В прошлом в повседневной жизни алтайцев официальная религия не играла важной роли, однако это не означает, что вера как залог духовной гармонии в жизни

алтайцев не существовала, теистические идеи существуют в любой культуре. Телеологическая ценность веры в Бога как залога благополучного жития человека в алтайских паремиях выражена в пословице: *Кумагы жок суу болбос, / Кудайы жок эл болбос* ‘Река без песка не бывает, / Народа без Кудая не бывает’.

Концепт *ТӨРӨЛ ЖЕР ‘РОДНАЯ ЗЕМЛЯ’* (23 ед., 1,6 %) в пословицах тесно связан с другим концептом *ЛУРТ ‘ЮРТА’, ‘ДОМ’*. Дом метафорически ассоциируется с гнездом, а сам человек – с птицей: *Кийик уйалу, / Кижги – тунүктү* ‘Зверь с гнездом, / Человек – с дымоходом’. Родная земля определяется как пространство своего рода и ассоциируется с горами, реками, зелеными лугами. Ценность родной земли осознается человеком тогда, когда он вдали от нее. В психологическом плане жизнь на родной земле более благоприятна для человека, чем на чужбине. Душевный комфорт не менее важная составляющая для благополучия человека.

Паремии, репрезентирующие социальную сферу человека, утверждают, что залогом успеха человека в социуме является соблюдение принципов взаимопомощи, коллективизма, терпимости.

Репрезентация экономических отношений. Экономические отношения представлены в паремиях, связанных с трудовой деятельностью человека. Признаки *иштенкей* ‘трудолюбивый’ – *жалку* ‘ленивый’ (65 ед., 5 % – 72 ед., 5,4 %) характеризуют облик человека в обществе. Образы работающего и ленивого человека описываются с помощью характеристик его частей тела, имеющих символические значения, а также с помощью поведенческих характеристик: *Иштенкейдин колы жалбак, / Жалкунун жалмажы жалбак* ‘У работающего руки широкие, / У ленивого зад широкий’; *Жалку айды жадынла өткүрер* ‘Ленивый месяц лежа проведет’.

ИШ ‘ТРУД / РАБОТА / ДЕЛО’ (23 ед., 1,7 %) определяется как ценность, необходимость и залог материального благополучия человека: *Агаи үренинг таньлар – / Кижги десе ижиле* ‘Дерево узнают по плодам, / А человека – по делам’. Результатом труда может быть заработок: *Канча кире иштеген – / Анча кире аларын* ‘Сколько поработаешь – / Столько и получишь’. В традиционном сознании алтайцев деньги (3 ед., 0,2 %) понимаются как антиценность и противопоставляются настоящей ценности – человеку: *Кижги – алтын, / Акча – чаазын* ‘Человек – золото, / Деньги – бумага’; *Ат – канат, / Акча – түбек* ‘Конь – крылья, / Деньги – беда’.

Алтайцы своеобразно определяют такие экономические понятия, как *КИРЕЛТЕ ‘ПРИБЫЛЬ’ – ЧЫГЫМ / КОРОЛТО ‘УБЫТОК’* (2 ед., 0,15 % – 2 ед., 0,15 %): *Капка киргени – кирелте, / Каптан чыкканы – чыгым* ‘То, что в кожаную суму попадает, – прибыль, / То, что из сумы выходит, – убыток’.

Пословицы и поговорки, отражающие экономические отношения людей в обществе, также втянуты в морально-этическую сферу. Многие из них осуждают лень, тунеядство и пьянство, жадность. Ценностными

доминантами выступают трудолюбие, честное отношение к труду, взаимовыручка.

Репрезентация речевой деятельности (п. 2.3.). Пословицы этой сферы отражают этнические речеповеденческие стереотипы. Цель таких паремий – установление межличностных отношений в обществе, искоренение отрицательных качеств, проявляющихся в речевом поведении человека, что облегчает понимание его другими людьми и позволяет установить дружеские контакты. Так, основная идея паремий, раскрывающих необратимость слова, состоит в напоминании о необходимости следить за речью, быть осторожным в словах: алт. *Айткан сӧс – аткан ок* ‘Сказанное слово – пущенная стрела’; якут. *Киһи тыла – ох* ‘Человеческое слово – стрела’; шор. *Ат пожанганын тударзың, / Сӧс пожанганын тутпассың* ‘Вырвавшуюся на волю лошадь поймаешь, / Сказанное слово не поймаешь’. Слово, процесс говорения противопоставляются молчанию. В паремиях этой группы отмечается, что молчание или неумение высказываться в ответ, неумение постоять за себя в конфликте вредят человеку (*Агаиш җымжагың курт базар, / Айдынып албасты сӧс базар* ‘Мякоть дерева червь раздавит, / Не умеющего говорить слово раздавит’).

В коммуникативной ситуации в речевом поведении человека проявляются различные качества: красноречивость, болтливость, многословность, хвастовство, лживость, клевета. Болтливость и многословность приписываются бездеятельным людям, в противовес этому немногословность – трудолюбивым.

Пословицы и поговорки о правде и лжи употребляются в ситуациях, когда необходимо призвать собеседника к искренности и честности. Концепт *ЧЫН ‘ПРАВДА’* (16 ед., 1,1 %) представляется как нечто необходимое, важное, обладающее абсолютной ценностью, концепт *ТӖГӚН ‘ЛОЖЬ’* (19 ед., 1,3 %) – как антиценность: *ТӖӧчӧ тӧгӚн болгончо, / Койончо чындык болзын* ‘Чем ложь с верблюда, / Лучше правда с зайца’.

Репрезентация духовного мира (п. 2.4.). АК *‘ДОБРО’* (3 ед., 0,2 %) образно ассоциируется с белым цветом, с цветом жизни, благословения, а *КАРА ‘ЗЛО’* (3 ед., 0,2 %) – с черным цветом, цветом смерти, проклятия: *Ак дегени – алкыш, / Кара дегени – каргыш* ‘Белое – благословение, / Черное – проклятие’. Эти представления о добре и зле выступают смыслообразующими доминантами, и на их основе формируются представления о добром или злом человеке *ак сагышту* ‘добрый’ – *кара сагышту* ‘злой’ (6 ед., 0,4 % – 11 ед., 0,8 %). В тюркской, в частности алтайской, концептуальной картине мира эти качества связаны с умственными способностями человека. По представлениям алтайцев, ум закладывается в момент зачатия. По пословицам, сущность злого или доброго человека не меняется в течение всей его жизни.

Добро и зло связаны с мыслями и поступками личности. Признаками добродетели являются *киленкей* ‘жалостливый’ (в 3 изреч., 0,2 %), *бийанду* / *алкышту* ‘благодарный’ (3 ед., 0,2 %), *береечи* ‘дающий’ (5 ед., 0,4 %), *коркыбас* / *жалтанбас* ‘бесстрашный, смелый’ (6 ед., 0,4 %). Жалости заслуживает хороший человек: *Лошкынды жеткер сакыыр*, / *Лакшыга жон килеер* ‘Плохого беда ждет, / Хорошего народ пожалеет’. Но жалеть плохого человека – это то же самое, что сделать зло самому. Жалость определяется как грех: *Килегени – кинчек*, / *Жазаганы жарамас* ‘Кого пожалеешь, тот – зло, / Что заранее приготовишь, то не подойдет’; *Боорсозо – боорына тебер* ‘Пожалеешь – [а тот] твою печень пнет’ (т.е. сделает больно душе).

Щедрый (всего 8 ед.) определяется как человек дающий: *Астамчынын көзи копток* / *Алкыштунын колы бөлтөк* ‘У жадного глаза завидушие, / У благодарного руки щедрые’. Жадность и скупость (21 ед.) – близкие, но не тождественные понятия, всегда оцениваемые отрицательно. Понятие *керик* / *кысканчак кижги* ‘скупой человек’ (16 ед., 1,1 %) толкуется как чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов: *Кысканчактын колы кыска* ‘У скупого руки короткие’. Жадность может проявляться по отношению к деньгам и имуществу. Жадный человек’ (5 ед., 0,4 %) определяется как стремящийся к наживе: *Астамчынын көзи тойбос*, / *Ачатын карды тойбос* ‘У скупого глаза не насытятся, / У жадного живот не насытится’.

Отрицательную оценку выражают признаки макроконцепта *КИЖИ* ‘ЧЕЛОВЕК’: *коркынчак* ‘трусливый’, *күйүнчек* и *адаркак* ‘завистливый’, *уйалбас* ‘бесстыдный’, *эки жүстү* ‘двуличный’, *өчөш* ‘упрямый’, *өштөнкөй* ‘мстительный’, *жамыркак* ‘высокомерный’, *түнсейген* ‘тихий, замкнутый’, *улуркак* ‘важный’.

Местом локализации стыда, по представлениям алтайцев и других тюрков Сибири, является лицо, точнее, лоб. Бесстыдный человек характеризуется различными перифразами: у него лица нет, у него лоб гладкий, толстый, сухой, т.е. чистый, без покраснения от стыда. Отсутствие лица метафорически означает отсутствие совести, стыда. *Уйуктаза – түжи жок*, / *Уйаларга – жүзи жок* ‘Чтобы заснуть – сна нет, / Чтоб устыдиться – лица (букв. совести) нет’; *Уйалбас кижинин мандайы килен* ‘У бесстыдника лоб гладкий’ (т.е. нет совести).

Понятие ‘двуличный человек’ выражается фразеологизмом *эки жүстү кижги*. Неискренняя речь порождается осознанно и намеренно, но этот факт может быть скрыт от собеседника: алт. *Алдынан алкаар*, / *Арказынан айдар* ‘В лицо хвалит, / Со спины поносит’. Поведение неискренного, коварного человека может быть переменчиво, ср. с шор. *Чабал кижиниң азагы сегис, пажы тогус* ‘У плохого человека ног восемь, голов девять’, поэтому лицемера образно сравнивают со змеей, которая обладает красивой кожей, но может быть ядовитой и опасной для жизни человека; с животными

с пестрым окрасом: *Кирзе – май, / Чыкса – жылан* ‘Войдет – масло, / Выйдет – змея’. Использование образа змеи характерно и для русских, тувинских, хакасских пословиц.

Большинство пословиц морально-этической субконцептосферы характеризует отрицательные качества человека (125 упомин.), положительные качества представлены в меньшей мере (45 упомин.).

Репрезентация жизни человека (п. 2.5.). Среди *кеп ле укаа сөстөр* есть такие, концептуальное содержание которых связано с биологическими периодами и физическими состояниями человека. Жизнь человека, как и любого живого существа, имеет свое начало и конец: *Жыртылбас кийим жок, / Учы жок жүрүм жок* ‘Нервушейся вещи нет, / Без конца жизни нет’. Представления о жизни и смерти связаны с религиозными верованиями. По представлениям тюрков, смерть – это конечный «пункт», куда человек «отправляется», «уезжает», он называется *ол жер* ‘та земля’ (ср. с рус. *тот свет*), или *алтыгы жер* ‘Нижний мир’. Человеку свойственно расти, жить, а затем стариться и умирать: алт. *Сынбас темир жок, / Өлбөс тынду жок* ‘Нет железа, которое бы не ломалось, / Нет живого существа, которое бы не умирало’; тув. *Өшкен от кывар, / Өлген кижги турбас* ‘Погасший огонь не вспыхнет, / Умерший человек не встанет’. Смерть и старение ассоциируются с поломкой, износом вещей, затуханием огня. В изречениях о жизни и смерти дается ответ на вопрос, как следует правильно жить.

Содержание концептов *ЖҮРҮМ ‘ЖИЗНЬ’* и *ӨЛҮМ ‘СМЕРТЬ’* тесно связаны с концептом *САЛЫМ ‘СУДЬБА’* (10 ед., 0,7 %), который понимается как «главная линия жизни», «участь», «доля», «удел». Судьба в значении «участь», «доля» определяет жизнь человека. Человек как биологическое существо живет на земле столько, сколько предначертано ему свыше богом, судьбой: *Өлүмнөң өтпөзүң, / Салымнан артпазың* ‘Смерти не минуешь, / От судьбы не уйдешь’. Время же представляется судьей, который судит человека по его делам, совершенным в течение жизни (*Өйдөң жаан жаргычы жок, / Өйлө өчөжөри жок* ‘Нет судьбы выше времени, / Нельзя шутить со временем’).

Физические признаки макроконцепта *КИЖИ ‘ЧЕЛОВЕК’* *күчтү* ‘сильный’ – *күчи жок* ‘слабый’ (14 ед., 0,9 % – 14 ед., 0,9 %) отмечаются применительно к его физическому и интеллектуально-духовному состоянию. Физическая слабость обуславливает и духовную слабость: *Бос бойынынла алдын сананар* ‘Слабый только о себе и думает’. В изречениях о силе и слабости отмечается, как следует относиться к слабым и старым людям: *Бөкөзиребес болзо, / Сеге кем де көдүрилбес* ‘Если ни перед кем не будешь похвляться своей силой, / Против тебя никто не станет выступать’. Отмечается изменчивость этих качеств у человека: сильный человек может ослабеть: *Торко до ээлеп жыртылар, / Тын да кижги оорып базылар* ‘И шелк, износившись, порвется, / И сильный человек, заболев, сникнет’.

Внешняя красота человека менее значима во взаимоотношениях людей: более ценными являются умственные, морально-нравственные качества. Физическая сфера вовлекается в морально-этическую: с помощью пословиц о старости, призывают к уважительному отношению к пожилым и слабым людям, к терпеливому отношению сильных к слабым.

Репрезентация интеллектуального мира (п. 2.6.). Основная прагматическая функция паремий, входящих в группу *санаалу* ‘умный’ – *тенек* ‘глупый’ (18 ед., 1,3 % – 42 ед., 3 %), заключается в указании на то, чтобы человек в поступках руководствовался своим умом. Здесь интеллект и разум противопоставляются физической силе, так утверждается превосходство ума: *Чакту кижинин колы тынг, / Сагышту кижинин санаазы көп* ‘У сильного человека руки крепкие, / У умного человека ума много’. Осуждается глупость человека в его старости: *Көс көрүп те турза, көксинде жок* ‘Хоть глаза и видят – / В сердце его пусто’. Грудь – это место средоточия мудрости, голова – разума. Пустота в груди (*көгүсте жок*) означает отсутствие ума. Синонимом *санаалу* ‘умный’ выступают прилагательные *көгүстү* ‘разумный’ (букв. ‘с грудью’), *башту* ‘умный’.

Положительный признак *бичикчи* ‘образованный’ образно ассоциируется со светом, а *бичик билбес* с тьмой и слепотой: алт. *Бичикчи кижги жарыкта жүрет, / Бичик билбес карануйда жүрет* ‘Грамотному человеку – свет, / Неграмотному человеку – тьма’ (Ср. рус.: *Ученье – свет, / Неученье – тьма*). Образованный, умный человек противопоставляется физически сильному человеку. Этим самым утверждается идея: знания – это сила: *Билеги жоон бирди жыгар, / Билгени јаан мунды жыгар* ‘С толстым запястьем одного свалит, / С большими знаниями тысячу свалит’.

Концептуальный признак *сүмелү* ‘хитрый’ (в 11 изр., 0,8 %) раскрывается как положительное качество, хитрость – «второй ум»: *Сүмечилде арга көп, / Төгүнчиде меке көп* ‘У хитрого выходов много, / У лживого обмана много’.

Репрезентация эмоционального мира (п. 2.7.). Эмоции – это специфический способ человеческого отношения к окружающему миру, к другим людям и к самому себе, проявляющийся в форме непосредственного переживания. Все изречения употребляются в таких ситуациях, когда необходимо призвать человека к самоконтролю: *Ачуга ачынба, / Сүүнишке сүүнбе* ‘В горе не горюй, / В радости не радуйся’. Преобладают характеристики отрицательных эмоций, таких как грусть, тоска, обида. Осуждается прозорливый пессимизм, заблаговременное мысленное притягивание «негатива». В алтайских пословицах горе персонифицируется в живое существо, всегда находящееся поблизости и внезапно появляющееся (*Жеткер жөн алдынан чыгар, / Ачу аяк алдынан чыгар* ‘Беда из-под рукава явится, / Горе из-под ноги явится’, русские определяют его как тяжесть: *Человек согнулся от горя; Горе давит*).

Количество паремий, связанных с отрицательными эмоциями, больше, чем количество паремий, характеризующих положительные эмоции, что связано с их прагматической целью – призвать человека к золотой середине, к душевному равновесию: запрещается чрезмерно много смеяться, грустить, унывать, сердиться, обижаться.

Параграф 3 раскрывает картину мира алтайских паремий, в которых доминантой выступает *макроконцепт НЕМЕ 'ПРЕДМЕТ'*. Образы вещного мира участвуют в репрезентации концептов, соотносимых с кругом философских понятий: качество, количество, выбор, предназначение, необходимость. Качество репрезентируется через описания признаков наиболее актуальных для человека предметов (23 ед., 1,8 %). Это касается описаний некачественной пищи: *Өлөңгө орозо, уй жибес, / Отпöккө орозо, ийт жибес* 'Завернуть в траву – корова не ест, / Завернуть в лепешку – собака не ест'. Качество вещи зависит от ее свойств: *Торко чачак толголчоон, / Кеден учук кертилчеен* 'Шелковая кисть [легко] закручивается, / Льяная нить [легко] рвется'. Количество противопоставляется качеству: *Кöп бололо, чöп болгончо, / Ас та болзо, чон болзын* 'Чем много будет и сором будет, / Пусть хотя и мало, но добрым (качественным) будет'. Количество бывает определенным, неопределенным (много, мало) и приблизительным (23 ед., 1,8 % – 18 ед., 1,3 %). Оно определяется образно с помощью литот (*Каны калбакка болбос, / Эди эргекче болбос* 'Его крови с ложку не будет, / Его мяса с большой палец не будет') или гипербол (*Туудый коозо болгончо, / Айакча аш болзын* 'Чем мякины с гору будет, / Лучше пусть зерна с чашку будет'). С помощью изречений, упоминающих предметы первой необходимости (43 ед., 3,2 %), даются практические советы: чем питаться, что носить, как относиться к вещам, что учитывать при выборе вещи, как быть бережливым, непривередливым, скромным: *Өлөдим деп, этпегин түгөспө, / Көчөдим деп, көчөн түгөспө* 'Говоря «умру», лепешки не изводи, / Говоря «откочую», кёчө не изводи'.

Таким образом, в алтайской паремической картине мира отражена система определенных представлений человека о мире, понятий, универсальных для человеческого мышления и служащих главными элементами мировосприятия, осмысления, оценки и классификации реалий объективной действительности, их связей и отношений, в том числе и самих людей. Пословичный фонд представляет собой «хранилище» ментальных стереотипов, применимых ко множеству ситуаций. Стереотипы мышления служат своего рода ориентирами поведения человека в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в реферируемой диссертации были определены объемы паремиологических понятий и границы соответствующих терминов,

применяемых в описаниях алтайских паремий в целом (*кеп сѳс* ‘поговорка’, *укаа сѳс* ‘поговорка’, *чечен сѳс* ‘афоризм’, *бузылбас сѳсколбу* ‘фразеологизм’ и *кай чечен сѳс* ‘эпическая формула’, *кеп* ‘побасенка’), а также терминосочетания *кеп ле укаа сѳстѳр* как аналога русского сочетания *поговорки и пословицы*, употребляемого в исследовании с учетом того, что структурно, семантически и поэтически алтайские и русские паремии существенно различаются (автором реферируемой диссертации установлено, что поскольку переносный смысл присущ не только поговорке, но и частям пословицы, этот признак не может считаться жанрово дифференцирующим для исследованных тюркских паремий). Были выявлены отношения между всеми разновидностями *кеп ле укаа сѳстѳр*, установлены фразеологизмы, возникшие на основе пословиц и поговорок. Комплексный анализ *кеп ле укаа сѳстѳр* позволил разграничить пословицы и поговорки следующим образом. **Пословицы (*кеп-сѳстѳр*) – это поэтически организованные, как правило, двухчастные предложения назидательного характера, имеющие формы законченных предложений, простых или сложных. Они обладают прямым или переносным значением, которое выражается преимущественно с помощью стилистических фигур и тропов. Поговорки (*укаа сѳстѳр*) – это неритмичные, как правило, одночастные предложения, характеризующие отдельные свойства природных явлений или состояний человека и имеющие формы законченных простых предложений. Они также обладают прямым или переносным значением, которое выражается с помощью тропов.**

Анализ различных уровней и структурных срезов *кеп ле укаа сѳстѳр* показал характерность для них определенных поэтико-стилистических средств, которые участвуют в создании их формы и в выражении содержания и вместе с тем выполняют определенные прагматические функции. Исходя из анализа трех составляющих пословиц и поговорок – знаков: синтактики, прагматики и семантики, установлено, что пословица и поговорка как жанры имеют общие и отличительные особенности. Фонетические, образно-лексические, грамматические и синтаксические средства в пословично-поговорочном дискурсе выполняют важные прагматические функции эстетического и коммуникативного воздействия на адресата.

1. Важную роль в синтактике паремий играют поэтико-стилевые средства, которые направлены на создание стихотворного текста. Чаще всего ритмическая строка содержит от четырех до девяти слогов, которые делятся на равнозначные стопы, тесно связанные не только ритмом, но и по смыслу. Разновидностями эфонических повторов в пословицах и поговорках, создающими рифму, являются аллитерации (ассонансная, консонансная, вертикальная и горизонтальная), анафоры, эпифоры,

параллелизмы. Рифма присутствует в абсолютном большинстве пословиц и поговорок (93,6 % от общего количества единиц).

Для синтаксиса алтайских пословиц характерны двухчастная структура в виде параллелизмов или сложных предложений, наличие аллитерационной рифмы. Для синтаксиса поговорок характерна одночастная структура в форме простого предложения, отсутствие рифмы. При варьировании в речи пословица, утратив свою часть, становится одночастной поговоркой (*Жаман ийт койонсок*, / *Жаман кижги төрсөк* 'Плохая собака любит [охотиться] на зайцев, / Плохой человек любит [садиться] в передний угол' и *Жаман кижги төрсөк* 'Плохой человек любит передний угол').

При варьировании композиции происходит компрессия, вследствие которой параллельные синтаксические структуры утрачивают вторую часть и образное значение «переносится» в первую часть. Изменения могут касаться синтаксических конструкций, при этом одна и та же пословичная мысль может выражаться разными типами предложений: простыми и сложными, именными и глагольными. В вариантах могут различаться не только лексемы, но и морфологические формы компонентов. При лексическом варьировании мена ключевых слов в пословицах и поговорках происходит по принципам синонимии, гиперо-гипонимическим отношениям и другим видам тематической близости.

Пословицы или поговорки включают в синтаксический состав только самые необходимые для выражения смысла компоненты. В них часто наблюдается осложнение их элементарных структур субстантивированными (свернутыми) предикатами, в большинстве случаев выраженными бывшими причастиями или прилагательными; неполнота синтаксической структуры. Высокая степень метафоричности типовых синтаксических структур связана с референциальным статусом имен – участников описываемых пропозиций, то есть соотносённостью с внеязыковыми объектами, событиями, фактами. В сфере простых предложений количество глагольных предложений примерно такое же (33,3 %), как и именных (32,2 %). В сфере сложных предложений самыми распространенными являются сложноподчиненные определительные предложения (16,4 %) и сложные условные предложения (7,2 %). Бессоюзных сложных предложений мало (2 %).

2. В пословично-поговорочных текстах употребляются строго определенные, заданные прагматикой этих речевых жанров грамматические формы времени, лица и наклонения (шире модальности), и эти категории служат для выражения коммуникативно-прагматических целей, соответствующих интенциям говорящих.

Ценностные пословично-поговорочные высказывания выражают дискурсивные жанры похвалы и порицания; нормативные – констатации, похвалы, порицания, рекомендации, запрета, пожелания, предписания, предостережения, долженствования (обязательство). Преобладают

нормативные суждения с имплицитной оценкой (68 %). Собственно ценностных суждений значительно меньше (32 %), и их цель – это прежде всего оценка качеств человека и предметов. Оценка чаще дается морально-нравственному облику людей. В количественном отношении пословицы с отрицательными этическими оценками доминируют над пословицами с положительными оценками. Психологические и гедонистические оценки, связанные с перцепцией, а также прочие виды оценок в ценностных высказываниях представлены минимально. Алтайские пословицы и поговорки, как правило, выражают утвердительную модальность, значительно реже – повелительную, условную, повелительно-желательную, единичны случаи с долженствовательной модальностью. При этом в нормативных пословично-поговорочных суждениях (66,5 % от общего количества паремий) представлены 4 наклонения: изъявительное, условное, повелительное, повелительно-желательное. Утвердительную функцию выполняет 49 % паремий, из них 28,6 % имеют констатирующую функцию, 14,5 % всех единиц касаются отрицательных (анормальных), с позиций морали, поступков людей и носят порицательный характер, поскольку их смысл направлен на то, чтобы показать человеку, как не следует вести себя, и только 6,4 % паремий описывают положительно оцениваемое поведение человека, выражая похвалу его действиям. Оценочная модальность репрезентирует систему ценностей, сложившуюся в культуре алтайцев и других тюркских этносов. В диссертации исследованы типы оценочных высказываний и средств выражения оценок; составлен рейтинг семантических типов оценок в пословицах и поговорках. Выявлены приоритеты временных форм изъявительного наклонения у глагольных компонентов в составе пословиц и поговорок; установлен обобщенно-личный характер временных форм в нормативных пословичных суждениях (чаще всего употребляется форма 3 лица ед. числа настояще-будущего времени с формой на =ap).

3. Образные средства в алтайских пословицах и поговорках (параллелизмы, символы, метафоры, эпитеты, метонимии, гиперболы, литоты, сравнения, перифразы) выполняют прагматическую функцию усиления экспрессивности выражаемого смысла, а также их оценочности. Установлена соотношенность семантики образных однолексемных и неодноклексемных компонентов пословиц и поговорок с разновидностями поэтических средств, в составе которых они использованы. Доказано, что для поэтики пословиц и поговорок характерна конвергентность тропов и фигур. Сходство выявленных поэтических средств со средствами в паремиях других тюркских народов Сибири свидетельствует об их типичности для исследуемых жанров. В сфере семантики пословицы и поговорки репрезентируют наиболее актуальные для алтайцев концепты. Концептуальные смыслы в алтайских пословицах и поговорках могут быть

выражены в прямой или не прямой, иносказательной, формах, поэтому *кеп ле укаа сѳтѳр* подразделяются на три типа: с прямой мотивировкой значений компонентов (в 52 % изречений), с частичной образной мотивировкой значений (в 43 %); с полной образной мотивировкой значений (в 5 %). Концепт *КИЖИ 'ЧЕЛОВЕК'* представлен во всех аспектах его жизнедеятельности: социальном, экономическом, речевом, духовно-нравственном, биологическом, интеллектуальном, эмоциональном. Концепт *НЕМЕ 'ПРЕДМЕТ'* представлен в меньшем количестве паремий, в которых в основном даются определения качеству и количеству вещей, утверждается их польза для человека, приводятся советы, как относиться к своим вещам. Таким образом, паремическая картина мира несет информацию социокультурного характера и представляют собой суждения о нравственности, утверждающие высшие человеческие ценности, основанные на морально-этическом опыте и культурно-исторических традициях алтайского народа.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии

1. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. – 286 с.

2. Ойноткинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 354 с.

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторских диссертаций

3. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О вариативности алтайских паремий в дискурсе // Сибирский филологический журнал. Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск. – 2006. – № 4. – С. 18–22.

4. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. К проблеме разграничения жанров несказочной прозы алтайцев (анализ топонимических мифов, легенд и преданий) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 3. – С. 93–97.

5. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Подходы к изучению пословиц // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 3. – С. 63–67.

6. Ойноткинова Н. Р. Функциональная специфика образного параллелизма в алтайских пословицах // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 4. – С. 134–137.

7. Ойноткинова Н. Р. Семантика антропоморфной метафоры в алтайских пословицах // Мир науки, культуры, образования: Международный научный журнал. – 2008. – № 5. – С. 83–89.

8. Ойноткинова Н. Р. // Закономерности варьирования алтайских пословиц в устной речи // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 4. – С. 139–143.

9. Ойноткинова Н. Р. Животные и птицы в мифах алтайцев в сравнительном освещении // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 89–93.

10. Ойноткинова Н. Р. О жанровом разграничении алтайских паремий // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 3. – С. 4–14.

11. Ойноткинова Н. Р. Соматический код культуры алтайцев в пословицах и поговорках // Сибирский филологический журнал. Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск. – 2011. – № 4. – С. 18–22.

Статьи в научных изданиях

12. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Варьирование эпических формул в алтайском эпосе (на примере описаний психологического состояния персонажей) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2001. – № 3. – С. 37–42.

13. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Структурные и семантические особенности сравнений в типических местах алтайского героического эпоса // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 3. – С. 44–50.

14. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Пословица как эпическая формула в типических местах алтайского героического эпоса // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 103–108.

15. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Аллегория как разновидность метафоры в алтайских пословицах // Народная культура Сибири. Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2004. – С. 77–81.

16. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Грамматическая специфика форм и значений глагольных сказуемых в алтайских пословицах и поговорках // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 4. – С. 89–94.

17. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. К вопросу о генезисе тюркских пословиц (на примере паремий, связанных с образом коня) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004. – № 3. – С. 44–50.

18. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск: НГУ, 2004. – Вып. 14. – С. 60–72.

19. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Поэтика алтайских пословиц // «Джангар» в евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции (г. Элиста, 27 сентября – 2 октября 2004 г.). – Элиста: КГУ, 2004. – С. 10–13.

20. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Семантические типы эпических формул алтайского героического эпоса // «Джангар» в евразийском

пространстве. Материалы международной научной конференции (г. Элиста, 27 сентября – 2 октября 2004 г.). – Элиста: КГУ, 2004. – С. 75–78.

21. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Алтайские паремии как элементы нарративных текстов // Этносоциальные и культурологические проблемы Центральной Азии и Сибири. Сборник научных статей. – Новосибирск: Шелковый путь, 2005. – С. 27–30.

22. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Архаизмы в алтайских пословицах // Материалы конференции «Международная научно-практическая конференция «Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири». Новосибирск, Академгородок, 26–28 апреля 2005 г. – Новосибирск: Нонпарель, 2005. – С. 594–601.

23. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О структурно-семантической особенности метафоры в алтайских пословицах // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 3. – С. 60–65.

24. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Оценочная модальность алтайских пословиц // Языки коренных народов Сибири. – Вып. 16. – Новосибирск: НГУ, 2005. – С. 34–41.

25. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Употребление форм времени в алтайских пословицах // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. – XI. – Абакан: ХГУ, 2005. – С. 29–31.

26. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Синтаксические особенности алтайских пословиц // Урал-Алтай: Через века в будущее. Материалы научной конференции (11–13 сентября 2003 г.). – Горно-Алтайск, 2005. – С. 91–196.

27. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Функциональная семантика оценочной модальности в алтайских пословицах // Тюркология. – 2005. – № 4. – С. 32–43.

28. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О концептуальном содержании алтайских пословиц об уме и глупости // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. – X. – Абакан: ХГУ, 2006. – С. 12–15.

29. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Когнитивная семантика алтайских пословиц, связанных с речевой деятельностью человека // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник 2006. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – С. 164–168.

30. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Метафора в алтайской пословице // Второй международный тюркологический конгресс «Современная тюркология: теория, практика и перспектива». – Том 2. – Туркестан: Туран, 2006. – С. 60–73.

31. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Методика сбора пословиц в современных условиях бытования жанра // Народная культура Сибири. Материалы XV научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2006. – С. 174–178.

32. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О текстологии алтайских пословиц, опубликованных в книге В. В. Радлова «Образцы народной литературы...» // Материалы научной конференции с международным участием «Немецкие исследователи на Алтае», посвященной 170-летию со дня рождения В.В. Радлова. 18–21 июня 2007. – Горно-Алтайск: Четвертый регион, 2007. – С. 79–81.

33. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О содержании концептов «Жизнь», «Смерть», «Время», «Судьба» в алтайских пословицах // Казань и алтайская цивилизация. 50-я ежегодная международная научная алтаистическая конференция (PIAC), г. Казань, 1–6 июля 2007 г. – Казань: Идел-Пресс, 2007. – С. 29–30.

34. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Бессоюзные сложные предложения в алтайских пословицах // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. Материалы 2-й Международной научной конференции, 25–27 сентября 2008 г. – Абакан: ХГУ, 2008. – С. 206–208.

35. Ойноткинова Н. Р. Современное состояние паремиологического фонда алтайцев // Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы сибирской фольклористики». – 4–7 ноября 2008 г. – Новосибирск: АРТА, 2008. – С. 156–159.

36. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Форма сложного предложения на =СА в алтайских пословицах // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 11-летию со дня рождения Н. К. Дмитриева. Языкознание. Литературоведение. (г. Уфа, 27–28 июня 2005). – Уфа: Гилем, 2008. С. 39–42.

37. Ойноткинова Н. Р. Ритмико-звуковая организация алтайских пословиц // Билим. – Горно-Алтайск, 2008. – № 4. – С. 56–63.

38. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Диахронное и синхронное состояние алтайских пословиц // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы международной открытой заочной научно-практической конференции (15 января – 15 марта 2008 г.). – Уфа: Восточный университет, 2009. – С. 27–32.

39. Ойноткинова Н. Р. Поверья современных теленгитов (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 2008–2009 гг. в Улаганский район Республики Алтай) // Народная культура Сибири. Материалы XVIII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: Амфора, 2009. – С. 85–89.

40. Ойноткинова Н. Р. Поэтика и синергетика алтайских пословиц // Сопоставительная филология и межкультурная коммуникация. Сборник трудов международной научно-практической конференции, посвященной профессору Гатиатуллиной З. З. – г. Казань: ТГГПУ, 2009. – С. 266–270.

41. Ойноткинова Н. Р. Нравственные ценности в героических сказаниях алтайцев // Материалы Международной научно-практической конференции «Жамбыл и эпическое наследие тюркских народов», 11–12 апреля 2011 г., г. Алматы. – Алматы: КазҰӨА, 2011. – С. 84–87.

Публикация тезисов докладов на научных конференциях

42. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О функциях пословиц в типических местах алтайских героических сказаний // Эпос «Урал-батыр» и мифология. Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 мая 2003 г. – Уфа: Гилем, 2003. – С. 145–149.

43. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Устаревшая лексика в алтайских народных пословицах (по материалам, зафиксированным в 19 веке В. И. Вербицким и В. В. Радловым) // Народная культура Сибири. Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2003. – С. 66–70.

44. Bayzhanova N. R. Altaian Folklore: Traditions and Modernity // Siberia and the Far East: Past, Present and future. The Tenth British Universities Siberian Studies Seminar (BUSSS). A Multidisciplinary International Conference. 7–11 April 2004. – Houston, 2004. – P. 40–41.

45. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Концепт «родство» в современных и архаичных алтайских пословицах // Народная культура Сибири. Материалы XIV научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск: ОмГПУ, 2005. – С. 11–12.

46. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Об исторических изменениях в алтайских пословицах о родстве // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской конференции (г. Уфа, 1–5 июня 2005). – Уфа: Гилем, 2005. – С. 324–325.

47. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. Тематическая классификация алтайских пословиц о человеке // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения. Материалы Всероссийской научно-методической конференции, г. Новосибирск, 29–31 января 2006. – Новосибирск: НГУ, 2006. – С. 74–77.

48. Байжанова (Ойноткинова) Н. Р. О специфике метафорических моделей предложений в алтайских пословицах // Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2007 г.). – Новосибирск: НГУ, 2007. – С. 41–43.